

В.П. ЯЙЛЕНКО

V.P. YAILENKO

**ТРИ ИСТОРИКО-ОНОМАСТИЧЕСКИХ ФРАКИЙСКО-
СКИФСКИХ ОЧЕРКА: АЛАЗОНЫ, АМАЗОНКИ, ЭКСАМПЕЙ**
THREE HISTORIC-ONOMASTIC THRACIAN-SCYTHIAN ESSAYS:
THE ALAZONIANS, THE AMAZONS, EXAMPAIOS

I. Алазоны

По существу, мы располагаем лишь сведениями Геродота об алазонах, так как ко времени Страбона они давно исчезли с исторической арены, отчего Географ счел, что известия о них, каллипидах и прочих племенах насочиняли Гекатей, Геродот да Евдокс (*Strabo*, XII, 3, 21). Геродот (IV, 17, 52) дал характеристику образа жизни алазонов, затем привел отрывочное указание на их местоположение. По его словам, «Тирас и Гипанис сближают свои верховья в земле алазонов (συνάγουσι δὲ τὰ τέρματα ὁ τε Τύρης καὶ ὁ Ὑπανίς κατὰ Ἀλαζώνας), после которой (τὸ δὲ ἀπὸ τούτου, sc. Ἀλαζώνων χώρου) они расходятся и промежуток между ними расширяется». Описывая это, Геродот как будто смотрел на современную географическую карту: действительно, в среднем и отчасти верхнем течении Днестр и Южный Буг текут параллельно друг другу и, немного не доходя до южной границы лесостепи, расходятся¹. Географически этот параллельный ход рек приходится на прямоугольник между Могилевым-Подольским да Рыбницей на Днестре и Винницей да Савранью на Буге, длинная сторона его ок. 200 км, короткая – 80 км [Шилик, 1979, с. 454; Агбунов, 1985, с. 151, 155-156]. Известие Геродота о параллельном течении Тираса и Гипаниса в земле алазонов свидетельствует об алазонской принадлежности скифских памятников их междуречья, а также левого берега Гипаниса, где, по Геродоту

¹ Б. А. Рыбаков [1979, с. 32–36] иначе понимал течение Геродотова Гипаниса – за его верхнее течение он принял Горный Тикич и Синюху. Однако в таком случае картина приобретает иной характер: Горный Тикич течет на восток и юго-восток, Синюха на юг, с небольшим отклонением к западу, и впадает в Буг. Иными словами, параллельного течения у Тикича – Синюхи и Днестра нет, так что одно указание Геродота на сближение (параллельность) течений Тираса и Гипаниса в земле алазонов заставляет идентифицировать Гипанис с Южным Бугом [Агбунов, 1985, с. 150–151]. Слово τέρματα приведенного контекста Геродота (συνάγουσι δὲ τὰ τέρματα ... κατὰ Ἀλαζώνας) расширительно понимали Г. Лидделль, Р. Скотт, Г. Джоунз (LSJ, p. 1777): (о двух реках) – они суживают свои пределы (contract their bounds), т.е. текут вместе и таким образом суживают пространство между собой. При этом по поводу выражения κατὰ Ἀλαζώνας существенно заметить, что κατὰ вин. падежом имеет значение «на, по, через» определенное пространство (LSJ, s. v. κατὰ, VI, 2), т.е. оно означает «в земле алазонов». Перевод Е. Бессмертного (SC 1, p. 23) «около земли алазонов», которому следовал Б. А. Рыбаков [1979, с. 32], неточен, чему обязана, как мы сейчас увидим, ошибочная локализация им алазонов в степи. Обзор иных мнений о локализации алазонов [Народы нашей страны, 1982, с. 226–227].

Боспорские исследования, вып. XXXIII

(IV, 52), источник Эксампей находился на границе пахарей и алазонов. Это означает, что алазонам принадлежит восточноподольская группа скифских памятников, а расположенным восточнее пахарям – киевская группа [Яйленко, 2013, с. 168–169] (рис. 1)².

Б.А. Рыбаков [1979, с. 127] считал алазонов кочевниками, а их местообитание – «пустынными кочевьями», но это противоречит, во-первых, свидетельству Галикарнасца о параллельном ходе Тираса и Гипаниса через земли алазонов, что, как сказано, относится к их среднему течению, далекому от степи. Во-вторых, это не согласуется с хозяйственной характеристикой алазонов и каллипидов, которые «в остальном ведут хозяйство по-скифски, но хлеб и сеют и употребляют в пищу, а также лук, чеснок, бобы и просо» (*Herod. IV, 17*): ведение сельского хозяйства, прежде всего выращивание зерновых, указывает на обитание алазонов в лесостепи (в степи это невозможно из-за господства там кочевников). Эти свидетельства не позволяют согласиться с предложенным Б.А. Рыбаковым определением алазонов как кочевников, а каллипидов как земледельцев: те и другие земледельцы, и уже в силу одного этого алазоны должны локализоваться в лесостепи. На это указывает и другое сообщение Геродота (IV, 17): алазоны обитают над каллипидами (ὕπερ δὲ τούτων, sc. Καλλιπίδων Καλλιπίδων), т. е. севернее их или восточнее (как сказано, таково пространственное значение предлога ὑπερ). Ареал каллипидов определяют по-разному [Народы нашей страны, 1982, с. 224-226]. Как земледельцы, они должны обитать в лесостепной полосе, и поэтому, полагаем, их ареал простирался вдоль среднего течения Буга от Первомайска на юге до Гайворона – Саврани на севере³. Выше их северной границы и расположен ареал алазонов, как сказано, соответствующий в широтном отношении среднему течению Днестра и Буга, в археологическом плане соответствующий восточноподольской группе скифских памятников (рис. 1). Они

² М. В. Агбунов [1985, с. 154-156], следуя указанию Геродота (IV, 17: первыми от Ольвии живут каллипиды, над (ὕπερ) ними алазоны, над теми пахари, над которыми невры) расположил по течению Буга (снизу вверх) от Николаева до Первомайска каллипидов, от Первомайска до Гайворона / Джулинки алазонов, в районе Винницы пахарей, выше их невров. Это не соответствует археологическим реалиям. Самый выдающийся вклад Б. А. Рыбакова в скифологию заключается в системном наложении этногеографии Геродотовой Скифии на карту археологических памятников [Яйленко, 2013, с. 168]. Поэтому пограничные с алазонами пахари соответствуют киевской группе археологических памятников. Миша Агбунов (да будет земля ему пухом) не знал греческого языка и руководствовался переводом текстов Геродота, в которых предлоги ὑπερ, κατῦπερθε правильно переводились для общего пользования словами «выше, над». Но для научного филологического анализа существенно, что они означают в картине Геродотова расположения скифских народов также восток; например, населяющие предгорья плешивые и исседоны справедливо локализуются в Южном Приуралье, а живущие над (κατῦπερθε) ними в золотоносной стране агриппей (IV, 27) в действительности живут не севернее, а восточнее, так как это Алтай. Киевская группа скифских памятников лежит восточнее и севернее восточноподольской группы, так что взгляду из Ольвии (не говоря уж о Греции) пахари представляются расположенными над (IV, 17: ὑπερ) алазонами. Предлоги ὑπερ, κατῦπερθε «выше, над» не означают обязательно строгий север, это может быть и северо-запад и северо-восток, так что и с этой стороны отождествление пахарей с киевской группой правильно относительно восточноподольской группы.

³ [Яйленко, 1989; 2016, глава «Демография Ольвийского полиса и вопрос об ойкетах»].

XII, 3, 22). Эти ализоны-гализоны хорошо известны античным авторам в Вифинии, Пафлагонии [Pape, Benseker, 1884, S. 59]. Так, историк II в. до н. э. Аполлодор из Артемиды знает гализонов, живущих по обе стороны реки Галис. Страбон уравнивает гализонов с понтийскими халибами, чему приходится верить, ибо онуроженец Понта. Обитали гализоны и близ Эфеса, Магнесии, Приены (*Eustathii comm. in II, II, 856-857*). Впрочем, для наших целей вопрос об идентичности алазонов и гализонов несуществен – нам достаточно мисийско-вифинских алазонов.

Население Мисии, Вифинии, Фригии составляли фригийцы и фракийцы, выселенные из Фракии и Македонии, на пограничном с Лидией ареале они перемешались с лидийцами.⁶ Мисия – область распространения фригийского языка, и О. Хас вслед за Страбоном выделил 3 зоны ее насельников: 1) северо-восточные фригийцы, переселившиеся из Македонии, в VIII в. на них наслоились фрако-вифинцы; 2) тоже македонские насельники Великой Фригии, носители языка позднефригийских надписей, их городá Гордион, Анкара, Пессинунт; 3) носители так называемой «фригийской» религии, автохтонный малоазийский слой.⁷ Население Мисии, Вифинии, Фригии исторически происходит из Македонии и Фракии, начиная еще с микенского времени [Косян, 2002, с. 188, *лит.*], а с VIII в. здесь появилась новая волна фракийцев и в их числе киммерийцы-треры (*Strabo, I, 3, 21*). Согласно Аристотелю (у Стефана Византийца, *s. n. Ἄντανδρος*), город Антандр в мисийской Троаде «назывался Эдонидой по причине поселения в нем фракийских эдонов, также Киммеридой вследствие проживания в нем киммерийцев». Судя по расположению в Троаде, давнем мисийском ареале пребывания переселенцев из Фракии и Македонии (что подтверждено археологией), этими киммерийцами были треры; и по Страбону (XIII, 1, 8), вслед за фракийцами и фригийцами в Троаде поселились треры, «тоже фракийский народ». Наконец, прямо о принадлежности алазонов Мисии, Вифинии, Фригии к фракийскому этносу свидетельствует присутствие их во фрако-македонской Халкидике близ полуострова Паллена, откуда, как можно догадываться по контексту известия Страбона (VII, fr. 27a; XII, 3, 22), некоторые авторы выводили мисийско-вифинских алазонов.

По словам того же Страбона (XII, 3, 21), отдельные писатели видят в упомянутых Илиадой гализонах (II, 856-857: «рать гализонов Годий и Эпистроф издали вели из сереброобильной Алибы») скифский народ алазонов-гализонов, обитающих над Борисфеном, также амазонок (то же пишет и Евстафий в комментарии к II, 856-857). Не названные Страбоном по имени писатели – это Гелланик и его последователи⁸. О северном расположении гализонов на Евксине писал Арриан (fr. 22 Roos), тоже в

⁶ *Strabo*, VII, 3, 2; XII, 3, 21; 5, 8; 8, 1-4. *Ср.* лит. [Bredow, 1986, S. 164-165]. Подробнее см. [Яйленко, 2013, с. 138–143].

⁷ [Naas, 1966, S. 16-17, 30, 233-234]. О фракийцах в Троаде II тыс. [Гиндин, 1981, с. 117–168; Гиндин, Цымбурский, 1996, с. 185 *сл.*].

⁸ Страбон упоминает тут Гелланика, Геродота, Евдокса, Эфора. В труде Геродота об этом ничего нет, известия Эфора о народах Скифии кратко пересказали псевдоСкимн и Страбон, алазоны там не

ры и перехода его в *spiritus asper*. Так, имя притока реки Гебр во Фракии Ἀρτησσός, как показывают анатолийские соответствия, происходит из *Sarpessos, это пример очень раннего времени [Гиндин, 1981, с. 63, 75]. Многократно зафиксированное в составе антропонимов имя фракийской богини (H)erpa, по этимологии В. Томашека, восходит к индоевроп. *ser¹¹. Это же показывает и название горной цепи во Фракии Ἀἴμων (Гекатей, Геродот; ныне Стара Планина), которому родственны догреч. αἴμος «дубрава, роща», др. инд. sīmā, sīmān «плато, верх», ирл. sīm «цепь»¹². Показателен пример с именем Сальмидесского побережья Фракии (от предгорий Тиниады до устья Боспора Фракийского; были также одноименный залив, город и река). Начиная с Софокла и до поздней античности употреблялась форма Σαλμιδησσός, но рукописям Птолемея (III, 11, 4) известна и аспирированная форма Ἀλμιδησσός [Pape, Benseker, 1884, S. 1332; Detschew, 1957, S. 414-415], стало быть, в эллинистическое или раннеримское время в этом фракийском названии начальное *s* перешло в *spiritus asper* [Откупщиков, 1988, с. 32, *ср.* Дуриданов, 1976, с. 101]. Подобного рода картина представлена и в ономастике Греции (однако с обратным фонетическим развитием – в греческом начальное *s* регулярно переходило в *spiritus asper*, но спорадически сохранялось): например, согласно Павсанию (IX, 34, 10), селению в Беотии Ἄλμωνες дал свое имя основатель – Ἄλμος (у Плутарха Ἄλμος); Гелланику же (у Гесихия) это селение известно как Σάλμος [Pape, Benseker, 1884, S. 1332], стало быть, звучавшая в V в. до н. э. первоначальная форма имени поселка и его основателя Σάλμος со временем закономерно приобрела аспирированный облик Ἄλμος, утратив со временем и придыхание – Ἄλμος (Ἄλμωνες). Примеры с названиями Сальмидесса и Альма существенны тем, что показывают процесс утраты начального *s* в живом развитии от V в. до н. э. (Гелланик, Софокл) по II в. н. э. (Плутарх, Павсаний, Птолемей).

Аналогичным образом отдельные примеры перехода начального *s* в *spiritus asper* есть и в других языках, как правило, сохранявших его, например, во фригийском: Sanaos = Ἀναα, Ἐρπιδάση ἢ καὶ Σαρπ(η)δονίς, фригийскую глоссу «Большого этимологикона» τὸ ἄρμάν «война» Р. Гусмани возвел к этимону *sermṇ- и т.д.¹³ Такое спорадическое явление имеет ареальный характер: в одних областях какой-либо фо-

¹¹ Этимология Д. Дечева – к индоевроп. *er- < *or-, как отметил Л. А. Гиндин [1981, с. 78], не находит подтверждения ввиду отсутствия реальных свидетельств отражения индоевроп. *or- в формах с *e*-огласовкой. Предложению самого Гиндина [1981, с. 78-80] – связь с малоазийским теонимом Hērta, Hērta – препятствует неукоснительно соблюденная во всех трех его фиксациях аспирация, поскольку *h* анатолийских языков передается в греческом через γ, κ, χ (обход Гиндиным этого препятствия посредством предположения о народноэтимологическом сближении с ἴπλος проблематичен), *см.* справедливую критику Ю. В. Откупщикова [1988, с. 30-31].

¹² [Георгиев, 1958, с. 258-259, это сближения В. Томашека]. Греч. αἴμος засвидетельствовано лишь раз Эсхилом (fr. 9; LSJ, s. v.), что наводит на догадку о его догреческом происхождении; начальное *s*- в индоевропейском догреческом языке сохраняется, но по заимствовании слова в греческий оно перешло в аспирацию, также во фракийском (*см.* о нем и ниже, раздел II, § 4).

¹³ Первый топоним О. Хас пытался объяснить грецизацией, но перед вторым фактом спасовал [Haas, 1966, S. 218].

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

нетический процесс оформляется полностью, в других проходит не до конца. Яркий пример – передвижение согласных в древнегерманском языке, насчитывающее 7 ступеней: в восточногерманском и северогерманском прошли 4 первые ступени и частично пятая; в западногерманском более всего проявились изменения по пятой ступени и т. д.; при этом часть германской лексики осталась вообще не затронутой передвижением согласных [Прокош, 1954, с. 45–46, 48–49]. Проблематичен и сам вопрос о передвижении согласных во фракийском. Для В. Георгиева, И. Дуриданова это данность, указывающая на разность фракийского и дакийского языков (если для В. Георгиева [1977, с. 202–204] это маркер этнического разграничения фракийцев и дакийцев, то И. Дуриданов [1976, с. 110–111] подчеркивал его лингвистический характер, указывая на смешение и взаимопроникновение фракийцев и дакийцев). Другие ученые, как Л. А. Гиндин [1981, с. 30–31], предпочитают думать о передвижении согласных как непоследовательном фонетическом процессе фракийского языка.

Подобного рода нерегулярности позволяют нам предполагать, на основании форм этнонима алазонов со *spiritus asper*, что в их фракийском языке начальное предвокальное *s* не всегда сохранялось и могло sporadически переходить в придыхательный. Это обстоятельство могло быть обусловлено, во-первых, периферийным положением языка алазонов, ушедших от прародины – Фракии – далеко на север; во-вторых, воздействием языков соседних с алазонами иранских народов, в которых переход *s>h* был регулярным. В связи с этим обратим внимание, что такой переход имел место и в языках, с которыми фракийский язык контактировал на западе и в средиземье Малой Азии – в греческом и лувийском¹⁴. Соседство подобного рода могло влиять на появление данного фонетического явления и в тамошнем фракийском языке, чем и обусловлены вышеупомянутые формы имени гализонов со *spiritus asper*.

Наше предположение о происхождении этнонима Ἀλαζῶνες от фракийской праформы (этимона) с начальным *s*- получает подтверждение в полном аналоге ей – фракийском мужском личном имени Σαλαζῶν (посвятительная надпись I–II в. н. э. из Труда в округе Пловдива-Филиппополя IGulg. III, 1, 1460). Членение Г. Михайлова: Σαλα-ζῶν, к первой основе он привел личное имя Σαλα-ς, ко второй Ἀυγα-ζῶν, Auluzon. В. Георгиев [1977, с. 44, 79] хорошо объяснил это -ζῶν в Aulu-zon, Σαλα-ζῶν и других подобных по исходу именам в качестве гипокористика с суффиксом -ων от частой во фракийских личных именах основы -ζηνής «рожденный, потомок»¹⁵.

¹⁴ В Северо-Западной Анатолии – Троаде, Мисии, Вифинии – фракийцы контактировали с греками; вышеупомянутые гализоны Аполлодора Артемидского и Страбона, обитающие на Галисе, могли контактировать с поздними лувийцами. Начальное *s* утратил и македонский язык, так что под его влиянием могли возникнуть вышеупомянутые фракийские формы Ἀρτησσός, Ἀλμιδησσός.

¹⁵ Можно подумать, что такое образование гипокористической формы обусловлено греческим влиянием, ибо суффикс -ων во фракийской ономастике – результат ее грецизации [Vlahov, 1972, S. 21–23]. Однако это не так: в греческой антропонимике нет ярко выраженных пар имен на -γενής / -γων, т. е. полной формы имени и производной от него краткой формы (см. имена на -γενής и -γων [Hansen, 1958, S. 107, 163–164]); мы нашли лишь одну такую пару Ὀρτυγένης – Ὀρτύγων (может быть, также Δημοαγένης – дорич. Δαμαγών). Поэтому образование парных имен на -ζηνής / -ζῶν сугубо фракийское явление.

Иначе говоря, по аналогии с зафиксированной полной формой имени Αυλου-ζενις , которая дала гипокористик Αυλι-ζον , можно заключить, что гипокористик Σαλαζων происходит от $*\text{Σαλα-ζενις}$. Это позволяет считать форму этнонима Αλαζων гипокористическим образованием от полной формы $*\text{Σαλα-ζενις}$, значение которой «sala-рожденный».

Таким образом, исследуемая основа прошла ступени развития $\text{salazenes} > \text{salazōn-} > \text{halazōn-} > \text{alazōn-}$. Такого рода преобразования обычно обусловлены слабым произношением ($>h > 0$). Итак, регулярная для фракийского языка форма Σαλαζων , фонетически продвинутое от нее формы $\text{Ἀλιζων} / \text{Ἀλιζων} - \text{Ἀλαζων}$ ¹⁶.

Имеющиеся фракийские материалы не дают возможности установить значение основы $*\text{sala-}$ в имени Σαλαζων ¹⁷. Однако по причине близкого родства фракийского с балтийским можно прибегнуть к ономастическим фрако-балтийским изоглоссам и даже просто к литовским параллелям (это общепринятая методика со времен В. Томашека, Н. Иокля, *ср.* и [Топоров, 1977, с. 42]). Так, Н. Иокль указал на общность имени города на киконском побережье Фракии (напротив Самофракии, *Herod.* VII, 59) Σάλη и литовского слова salà «село, деревня» [Jokl, 1929, S. 295]¹⁸. Удивительным образом на фракийском побережье напротив Самофракии располагались два самофракийских города – Σάλη и Ζώνη (*Herod.* VII, 59) вместе (так сказать, Σαλαζώνη), целиком соответствующие личному имени Σαλαζων . Это указывает на правильность членения личного имени Σαλα-ζων и этнонима алазонов (Ἀλα-ζωνες), а также на применимость основы $\text{ζενεις} > \text{ζωνες}$ и в топонимике. Известен и этникон жителя города $\text{Ζώνη} - \text{Ζώναϊος}$, есть и личное имя Ζωνιος [Detschew, 1957, S. 197]. В таком случае значение этнонима $*\text{Σαλα-ζενεις} / \text{Ἀλαζωνες} -$ «рожденные в селениях». Это известный общей этнонимике способ обозначения народа (племени, рода) по принципу противопоставления кочевого и оседлого образа жизни соседних этносов или частей одного этноса. К примеру, самоназвание приморских коряков *нымылгы* (русское *нымыланы*) означает «житель селения» (корякское *ным* «селение»), чем эта часть этноса отличала себя от остальных, кочевых соплеменников – *чавчувен*; среди эскимосов Чукотского полуострова русские различали кочевых, занимавшихся оленеводством чукчей, и «пеших» или «сидячих» чукчей, т. е. оседлых, которых называли *намоллы* (от корякского *нымылгы* «поселянин») [Никонов, 1984, с. 56, 64]. Еще примеры наименования по признаку оседлости. Наряду с традиционным этнонимом вьетнамцев *вьет* употребляется и *кинъ*, происходящий от китайского *цзинь* «город»:

¹⁶ Альтернатива $a - i$, присутствующая в формах Ἀλαζωνες , Ἀλιζωνες , известна фракийскому языку: к примеру, в парах $\text{Ἰπταporis} / \text{Ἐπιporis}$, $\text{Μεστα} / \text{Μεστι}$, $-\text{zaeras} / -\text{zaeriset}$.

¹⁷ Есть распространенные фракийские личные имена Σαλας , $-\text{ζαλας}$ etc., их основу сопоставляют с индоевр. $*k'eI-$ «прятать, укрывать, спасать» [Detschew, 1957, S. 172-173, 412], в имени Σαλαζων это значение не совмещается с основой $-\text{ζων}$ «рожденный».

¹⁸ Сюда относятся также слав. *село*, др. верхненем. *sal* «дом, жилище» (И. Дуриданов справедливо заметил, что эта пара не исключительно фрако-балтийская [Duridanov, 1969, S. 9]). В балтийском, славянском, как и во фракийском, начальное s сохранялось (это сатемные языки).

основой **koḡā*, **kaḡā* – «камень, скала, каменистая местность, земля»; таковы по меньшей мере *Κάριον* – название гор на Самосе и в Лидии, имя эпонима акрополя («вышгорода») в Мегарах *Κάρ*, имя города на Евбее *Κάρυστος*, который, по Страбону (X, 1, 6), лежит у подошвы горы и обилён разработками камня, так что имя города означает «каменистая местность, земля», а этникон его жителей *Καρύστιοι* означает «жители каменистой земли»; сказанное относится и к городу Каристу в Лаконии, лежащем близ гористой Аркадии. Эпитеты *ποντογενής*, *ἄφρογενής* «рожденный (-ая) морем, водой, пеной» прилагаются поэтами к Афродите (примеры [LSJ, s. vv.]).

Также в общей этнонимии присутствует модель с участием слов «земля», «вода (река, море)». Образование этнонимов от слова «земля», как правило, сопровождается уточнением ее какого-либо признака. Например, древнерусское обозначение финно-угорского народа *пермь* образовано от употребительной в прибалтийско-финской топонимии модели «задняя земля» – «передняя земля», в данном случае *perä-maa* «задняя, северная, земля» [Попов, 1973, с. 110], т. е. *пермь* – «обитатели задней = северной земли». Пример образования этнонима от слова «земля» без уточняющего признака – *нани*, общее самоназвание ряда приамурских тунгусо-маньчжурских народностей ульчей, орочей и других, в языках которых *на* «земля», *ни*, *най* «человек», в целом «человек земли» или «местный человек» [Никонов, 1984, с. 55]. Аналогичным образом насельники приморской части индонезийского острова Сулавеси называли жителей внутренней области *tuga* «люди суши» [Членов, 1980, с. 241]. Построение этнонимов по признаку проживания народа у воды (реки, моря) со значением «поморяне», «речные люди» весьма продуктивно (примеры [Лескинен, 1984, с. 20; Деметер, 1984, с. 30; Туголуков, 1984, с. 35; Никонов, 1984, с. 46–49, 54, 59, 62, 63]).

Литовские слова *salà* «село, деревня» и *salà* «участок земли, омываемый водой; остров» этимологически одно и то же слово, в котором в результате оседания человека на землю прошло развитие значений «земля» > «селение», как и в родственных ему древнерусском *село* «жилище, селение», но и «поле», чешском *selo* «село» и «пашня», сербохорватском *село*, словенском *sèlo* «почва» и «жилище, местечко, деревня»; сюда относятся также латинское *solum* «земля, почва» и «страна», др. верхненем. *sal* «дом, жилище» (индоевропейская основа **sel*)¹⁹. Отсюда можно заключить, что также фракийское **sala* могло включать оба значения, так что если наши сближения верны, имя алазонов **Σαλα-ζενεις* / *Ἀλαζῶνες* означало «рожденные землей» или «рожденные в селениях». Оба значения соответствуют упомянутой выше хозяйственной характеристике Геродотом алазонов как земледельцев, что верифицирует наши сближения.

Тем не менее, наше производство этнонима *Ἀλαζῶνες* от фракийской праформы (этимона) с начальным *s* остается предположительным, несмотря на хорошую поддержку личным именем *Σαλαζων*, так как исходит из нерегулярного отражения ин-

¹⁹ Есть и мнение о совпадении в приведенной славянской лексике праславянских основ **selo* «пашня» и **sedlo* «селение» [Фасмер, 1971, с. 596].

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

доевроп. *s*, которое во фракийском сохраняется. Поэтому считаем нужным наметить и другой путь объяснения имени алазонов – через сближение с индоевроп. *aliso- «ольха»²⁰. Связываем с этой основой название реки Ἀλιζών, которое упоминается в стихотворном *motto* какого-то александрийского поэта, приведенном Плутархом (Decurios. 1d) и выражающем понятие множественности: «сколько воды в Ализоне, либо листьев на древе»²¹. Кажется, автор этого двустишия знал, что имя реки Ализон означает «Ольшаная», поскольку понятие множественности он передал именно через ее обилие водой и древесную листву, а, например, не через число звезд на небе, песка в пустыне и пр. На это единство воды и листвы указывает также присутствие личного имени реки, хотя можно было обойтись словом *река*. Что за река Ализон, мы не знаем, однако упоминание ее автором двустишия свидетельствует, что она была в древности известна, ибо без того читателю было бы непонятно, почему фигурирует именно она, а не знакомые всем Истр, Меандр, Галис и пр. Более того, это крупная река, поскольку смысл двустишия состоит в иносказательном выражении множественности через ее воды. Для идентификации реки Ализон решающую роль играет связь ее имени с этнонимом ализонов ввиду их полной идентичности. Как указано выше, ализоны известны на юге Пропонтиды, в Вифинии, Пафлагонии, однако не случайно издатель этого сочинения Плутарха «О любопытстве» М. Поленц предположил, что, может быть, следует читать κάτ’ Ἀλιζόνας (?) «у ализонов» Скифии [Plutarchus, 1972, p. 312, *lemma*]²². Дело в том, что гидронимия тех регионов Малой Азии хорошо известна и там нет реки Ализон. Другое дело Скифия: здесь в обширной земле алазонов-ализонов уместна и соименная река – это либо прозвание Южного Буга (и тогда ализоны-алазоны получили имя по реке), либо имя одного из его крупных притоков там (Ров, Кодыма – справа, Соб, Синюха – слева и др.). Ольха распространенное в Восточной Европе дерево, потому употребительны соответствующие названия рек [Никонов, 1966, с. 308]. В интересующем нас регионе это реки Ольшаная, Ольшанка, др. рус. Ольшаница (укр. Вильшана, Вильшанка, к

²⁰ Она представлена в германских, кельтских, балтийских, славянских языках; древние формы в латинском *alpinus* и македонской глоссе Гесихия: ἄλιζα. ἡ λεύκη τῶν δένδρων «белый тополь» [Георгиев, 1977, с. 240; Нерознак, 1978, с. 172; Фасмер, 1971, с. 137; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 635]. Интервокальное индоевр. *-s-* дает во фракийском *-z-*.

²¹ ὅσον ὕδωρ κάτ’ Ἀλιζόνας (Ἀλιζόνος) ἢ δρυὸς ἀμφὶ πέτρα. На полях рукописи G дано пояснение к Ἀλιζόνας – «название реки»; в рукописях V, X добавление εὐρυχόροιο, т. е. Ἀλιζόνας εὐρυχόροιο «широкого Ализона» [Plutarchus, 1972, p. 312, *lemma*]. Все это указывает, что Ализон тут имя реки.

²² Он предположил, что речь идет не о реке: автор этого двустишия, неизвестный александрийский поэт, подразумевал-де Геродотовых ализонов Скифии. В таком случае читается: «сколько воды в земле ализонов», что проблематично. Да, по Геродоту (IV, 17, 52), ализоны живут на Гипанисе и это одна из крупнейших рек. Однако Геродот там же (IV, 17) называет и другие народы, обитающие на Гипанисе – каллипиды, скифы-пахари, невры, и заключает: «Это народы, обитающие при реке Гипанисе, к западу от Борисфена». Почему из этого перечня народов александрийский поэт выбрал именно алазонов? На этот вопрос догадка Поленца ответа не дает. Поэтому надо следовать древним и средневековым переписчикам, которые располагали большей информацией, нежели мы, и считали Ализон рекой.

вільха «ольха») в бассейнах Южного Буга, Днестра, Днепра [Янко, 1973, с. 37; Етим. словарь, 1985, с. 95]. У самого Днепра есть эпитет Ольшаный. Как раз на территории алазонов текут две Ольшанки – приток Десны, левого верхнего притока Буга, и приток Большой Выси, притока Синюхи. Образование этнонима по имени реки обычно, в Северном Причерноморье это борисфениты Геродота, танаиты Аммиана Марцеллина, аксиаки Плиния, так что народ ализонов (Ἀλιζῶνες) получил прозвание по реке Ἀλιζών «Ольшаная». Выше мы привели данные о фракийском этносе ализонов, таковым должно быть и название реки Ализон. В числе фракийских языковых остатков такой основы нет, но памятью о балто-фракийском родстве (см. выше), можно апеллировать к сети литовских и латышских гидронимов *Ālksna*, *Ālksnas*, *Ālksne* и др. (к лит. *alksnis* «ольха») [Невская, 1977, с. 15; Vanagas, 1981, p. 39]. Фракийское речное имя Ἀλιζών объединяется с этими литовскими гидронимами и *-n*-суффиксацией, которая представлена в числе производных от индоевроп. **aliso* «ольха» еще лишь в латинском *alnus* (< **alisanus*). Растет ольха также на Балканах и в Малой Азии, так что этноним тамошних ализонов-алазонов мог самостоятельно возникать на территории Фракии, Малой Азии, Скифии, но, скорее, сложился во Фракии и оттуда распространился на смежные регионы вместе с миграцией населения.

И у этой этимологии есть слабое место – она не предполагает формы этнонимающего побережья Пропонтиды и Пафлагонии со *spiritusasper*. Однако вполне возможно аналогичное ее происхождение (пример такового [Buck, 1968, p. 52]): так, в Пафлагонии форма Ἀλιζῶνες могла получить аспирацию по имени главной реки региона, при которой обитали гализоны – Ἄλυσ²³. Показателен в этом отношении узус этнонима на южном побережье Пропонтиды: автор рубежа VI–V вв. Гекатей Милетский дал форму без аспирации –Ἀλαζῶνες (и город их Ἀλαζία), тогда как географ раннеэллинистического времени Менекрат дал аспирированную форму Ἀλιζῶνες (*apud Strab.* XII, 3, 22), явно позднейшую; следовательно, если производить ее от индоевроп. **aliso-*, она возникла аналогично, под воздействием прилагательного ἄλιζωνος «опоясывающий море» (производное от ἄλς «соль; море»), о чем свидетельствует приведенный выше рассказ Арриана (fr. 22) об алазонах как насельниках всего побережья Понта.

Уже античные писатели обратили внимание на сходство имен скифского народа алазонов и амазонок.

II. Амазонки

Представления античных филологов об имени амазонок суммировал грамматик II в. н. э. Геродиан: «Слово Ἀμαζών имеет долгое α. Это женское племя у Термодонта, как *говорит* Эфор. Некоторые производят это название от отсутствия груди²⁴, но такое производство невероятно²⁵. Фемистагор и в «Золотой книге» говорит: «В Алопе, называемой ныне Ликией, что у Эфеса, женщины, единодушно отказавшись

²³ Аристотелю известна и неаспирированная форма Ἄλυσ (*apud schol. in Apoll. Rhod. Arg.* II, 953).

²⁴ Подразумевается отрицательный префикс ἀ- и μαζός «грудь».

²⁵ Однако см. [Абаев, 1990, с. 148].

их племени, хотя они и не абсолютный вымысел³¹. Для выявления происхождения этнонима и его этимологии сначала рассмотрим сведения источников по локализации амазонок, что укажет на породившую его языковую среду; лишь в пределах ее лексики и возможны этимологические решения. Полагаем, только такая методика поиска может дать результат, адекватный исторической и языковой действительности времени раннего бытования этнонима амазонок.

§ 1. Античные авторы об областях обитания амазонок

Они поселяют их в четырех областях: основной их ареал размещают на южном побережье Черного моря близ Амиса – в долине реки Термодонт, здесь их город Фемискира (*Strabo*, XI, 5, 3-4; XII, 3, 9), отсюда они частью переправились в Северное Причерноморье (*Herod.* IV, 110-117), частью перешли на Северный Кавказ (*Strabo*, XI, 5, 1-2); в более отдаленные времена обитали также в Западной Малой Азии (*Strabo*, XI, 5, 3-4; XII, 3, 21; 8, 6; XIII, 3, 6; XIV, 1, 4). Размещают амазонок также в Греции (см. ниже). Первые подробные сведения о них дал Геродот в рассказе о происхождении савроматов, которые искусственным образом соединены с термодонтскими амазонками. Суть его повествования такова. Греки победили амазонок при Термодонте, посадили пленниц на три корабля, но в море те перебили их и плыли далее по воле волн да ветров, так как не имели навыков судовождения; в конце концов их прибило к городу Кремны в земле свободных скифов на северном побережье Меотиды. Здесь амазонки раздобыли лошадей, занялись грабежом, местные скифы думали, что это молодые люди, но по трупам убитых в бою убедились, что они женщины. После этого скифская молодежь стала сближаться с амазонками, завязавшиеся для деторождения сексуальные связи завершились тем, что они образовали совместную орду и ушли на новое местожительство на восток за Танаис. Художественный, вовсе не исторический, характер основной канвы этого рассказа явствует прежде всего из способа перемещения амазонок с южного Понта на север Меотиды – по воле волн да ветров, имеющего прямую аналогию в повествовании Гомера о путешествии Одиссея: сперва тот плывет в узнаваемом географическом пространстве, вслед за посещением страны лотофагов перемещается в полусказочный мир, затем, носимый ветрами Эола (это великолепный художественный прием для «искривления» пространства), попадает в конце концов в мифологизированную, но историческую страну Киммериду для посещения царства Аида (подробности [Яйленко, 2013, с. 12-13]). Также перемещение героя волнами известны греческому фольклору: к примеру, фиванский царь Кадм заключил согрешившую дочь Семелу в бочку, которую сбросили в море, и волны прибили ее к городку Брасии на лаконском побережье (*Paus.* III, 24, 4). Подобного рода историю тот же Павсаний (VIII, 4, 9) рассказывает и о грешной дочери аркадского царя Алея Авге: отец заточил ее

³¹ Литература об амазонках обширна, см. [Котина, 2012; Mayor, 2014]; обзор античных источников [Косвен, 1948, с. 16 сл.; Скрипник, 1988, с. 29–39].

вторичны и связаны с оформлением мифа о тамошних амазонках в греческой легендарной традиции, свидетельствует наличие гидронима Θερμώδων не только тут, но и в Беотии – там это тоже река и тоже небольшая (см. ниже)³⁵.

Все изложенное означает, что возникла основа Ἀμαζών- на территории Греции; поскольку имя амазонок известно Гомеру, это случилось в догомеровское время, т.е. прежде VIII в. до н. э. Из греческого языка имя амазонок не объясняется, следовательно, оно догреческое, т.е. возникло в языковой среде догреческого населения юга Балкан.

§ 2. Происхождение и содержание имени Ἀμαζόνες

Как сказано, уже античные писатели обратили внимание на сходство имен скифского народа алазонов и амазонок: *sg.* Ἀμαζών – Ἀλαζών, *pl.* Ἀμαζόνες – Ἀλαζώνες. Они различаются лишь одним звуком, λ-μ, так что ввиду подобия обоих имен Страбон (XII, 3, 21) отметил: «некоторые писатели, изменяя гомеровский текст, пишут Ἀλαζώνων, другие Ἀμαζώνων». Геродиан в цитированной выше заметке об имени амазонок даже отметил, что имя алазонов «сохраняет букву ω в косвенных падежах для отличия» от имени амазонок, подразумевая тем самым, что это одно и то же имя. Однако это ошибочно: они близки формально, по созвучию и единству структуры; хотя различаются лишь одним звуком, l не переходит в m и наоборот, так что Ἀλαζώνες и Ἀμαζόνες разные названия. Принимая во внимание, что имя амазонок возникло на территории Греции в догомеровское время, что тогда в ряде областей Греции – Фокиде, Беотии, Фессалии, Аттике, на Евбее, Халкидике, Пелопоннесе и пр. наряду с греками обитали фракийцы³⁶, и что имя алазонов, как мы выяснили

³⁵ По Геродоту (IX, 43), это приток реки Асоп, течет он между беотийскими городами Танагрой и Глисантом; согласно Плутарху (Dem. 19), а он родом из этих мест, это маленькая речушка, впадающая в Кефис. Возможно, разноречивости обусловлен наличием в этой части Беотии подземных пустот и обвалов поверхности, которые, по Страбону (IX, 2, 16–19), оказывают сильное влияние на водный режим.

³⁶ *Thuc.* II, 29, 3; *Apoll. Rhod.* Arg. I, 601–602; *Strabo*, VII, 7, 1; 4; 35 и fr. 11, 14, 16; X, 3, 17 и мн. др. [Откупщиков, 1988, с. 44–46, источники и лит.]. Согласно Гекатею Милетскому (fr. 119 Jac.), Македония и часть Фессалии – фракийские области, что подтверждает Эфор (у Страбона, IX, 2, 1–4). Фракийцы некогда обитали и на Пелопоннесе, так как название Спарта фракийское [Топоров, 1980, с. 55–59], чем верифицируется историчность мифообразного известия Страбона (VII, 7, 1), что Пелопс привел на Пелопоннес народы из Фракии. На древность обитания фракийцев на территории Греции указывает ряд топонимов, в особенности речных имен, зафиксированных на ее территории и во Фракии: Νέστος (река Фракии, из *Néd-τος) – Νέδα, Νέδων (реки Пелопоннеса); гидронимы Αῦρα(ς) во Фракии, Фессалии, Аркадии; реке Νόης во Фракии соответствует лаконская глосса Гесихия νόα-πηγή «источник»; город Δύμη во Фракии и Пелопоннесе [Probonas, 1976, p. 214] (многие другие примеры [Гиндин, 1981, с. 23 и др.; Откупщиков, 1988, *passim*]). Показательно и присутствие фракийских личных имен Di-za (= Δίζας) и Di-zo (= Δίζων) в микенских табличках [Probonas, 1976, p. 213]. Собранный приведенные данные И. Пробонас как грек думал, что эти параллели обязаны присутствию прагреков в древнейшей Фракии [p. 215]. Однако, принимая во внимание территориально обширные известия античных писателей об обитании фракийцев в Греции, следует заключить, что сходство топонимов обязано именно этому обстоятельству. Иначе говоря, фракийцы в числе прочих догреческих индоевропейских народов жили во II и I тыс. на территории Греции [Откупщиков, 1988, с. 36 сл., 44–47].

рождение»). Это хорошо верифицирует нашу этимологию. Главное божество амазонок – Артемида, она ипостась Великой Матери, по словам Страбона (X, 3, 12–15), почитавшейся под разными именами и прозвищами в зависимости от места культа – Рея, Кибела, Кибеба, Великая фригийская мать, Диндимена, Идея (гора Ида в Троаде – одно из основных мест культа) и пр.³⁸ В особенности с амазонками связан культ Артемиды Эфесской, по причине чего праматерь амазонок в одном из вариантов считалась дочерью Эфеса (*St. Byz.*, s. n. Ἐφεσος). Павсаний дал подробное его описание, из которого явствует, что это, по существу, культ той же Великой Матери. При этом культ Артемиды Амазонской (и Аполлона Амазонского) осуществлялся также в Греции, например, в Лаконике; в Этолии и городах пелопоннесской Ахеи амазонская Артемида почиталась с эпитетом Лафрия (*Paus.* III, 25, 3; IV, 31, 7-8; VII, 18, 8–13). Эфор поселял амазонок близ Алопы (*apud Strab.* XII, 3, 22); было 3 города с этим именем, все в землях локров и во Фтиотиде на юге Фессалии (*Strabo*, IX, 4, 3; 9). Амазонкам подарен остров Самофракия. С амазонками связывали предысторию города Эфеса, также Смирны, Кимы, Мирины, поселяли их между Мисией, Карией и Лидией, т. е. на территории позднейших греческих областей Ионии и Эолиды (*Strabo*, XI, 5, 3-4; XII, 3, 21; 8, 6; XIII, 3, 6; XIV, 1, 4). Столкновения именно этих амазонок, а не термодонтских воительниц, с ликийцами могли быть историческим подтекстом упомянутого в Илиаде (VI, 186) их нападения на Ликию.

Тесная связь амазонок с культом их основных божеств, проявляющаяся даже в их этнониме, засвидетельствована письменными и археологическими данными также у савроматских воительниц. По Гиппократу (*Deaere*, 17), они «не сходятся с мужчинами до тех пор, пока не совершат положенные по обычаю жертвоприношения». В могилах донских «амазонок» обычны каменные алтари с реальгаром и мелом, что указывает на исполнение ими жреческих функций [Хазанов, 1970, с. 142–144] (алтари связаны с культом огня, традиционным у древних иранцев). Причастность амазонок к сакральным культовым действиям соответствует наличию в их этнониме имени Великой богини Άμα.

Наша фракийская этимология этнонима амазонок находит подтверждение в традиции о фракийском языке амазонок. По словам спутника Александра Македонского Андрона Теосского (схолии к *Apoll. Rhod. Arg.* II, 946 sq.), имя амазонки Синопы (Σινώπη) фракийское: она-де много пила, а «пьющие женщины по-фракийски называются σανάται, этим языком пользуются и амазонки». Происхождение имени города Синопы не связано с этой фракийской глоссой, но она реальна сама по себе, так что известие о фракийском языке амазонок аутентично, тем более, что ниже мы приведем данные об основательном фракийском компоненте населения Пафлагонии (§ 4)³⁹.

³⁸ Об Артемиде-Великой Матери как верховном божестве амазонок [Шауб, 1989, с. 51-52; Тюхтина, 2008, с. 5-7].

³⁹ Глоссу σανάται В. Томашек объяснил в качестве фракийского заимствования из иранского: осет. sænæ «вино» при др. инд. rātā «пьющий» (к рау- «пить»), что приняли М. Фасмер [Vasmer, 1923, S. 50],

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

Известие Андрона принадлежит к древней традиции, которую мы тут и раскроем. Излагая содержание киклической поэмы Эфиопида, Прокл указывает, что предводительница амазонок Пентесилея «родом фракиянка»⁴⁰. Сие означает, что итермодонтские воительницы, которых она привела, тоже фракиянки (подробней см. § 4). Это древнейшая традиция VIII в. – автор Эфиопиды Арктин из Милета, по Евсевию, жил в 1 Олимпиаду (776–773), по Свиде, в Ол. 9 (744–741)⁴¹. Поскольку население области Понт VIII в. хорошо было известно милетянам через колонистов Синопы и Трапезунта, указание Арктина на фракийский этнос амазонок аутентично, тем более что существует и продолжение этой традиции – ряд их изображений на аттических вазах VI–V вв. с элементами фракийского одеяния и вооружения⁴². Таким образом, фракийское происхождение амазонок засвидетельствовано источниками VIII в. (Эфиопида), VI–V вв. (вазопись), IV в. (Андрон Теосский), потому она прочна и оправдывает выведение этнонима амазонок из фракийского языка.

Итак, имя Ἀμαζόνες по происхождению фракийское, означает «рожденные Великой Матерью», возникло в гомеровскую или предмеровскую эпоху на территории Греции, также на западе Малой Азии, где тогда обитала часть фракийских племен, в том числе в разноязычной Троаде и Мисии. Согласно хорошо обоснованному мнению (П. Кречмер, В. Георгиев, Ю. В. Откупщиков, Л. А. Гиндин, В. Л. Цимбурский и др.),

В. Георгиев [1977, с. 18], В. И. Абаев [1979, с. 302]. Однако такие иранско-санскритские этимологии ущербны, это иранские хромоножки, неподвижные без древнеиндийского костыля. Поэтому видим в глоссе фракийское заимствование из индоарийского *saṃrā* – как глагол «совместно выпивать», как существительное «совместное питье»; кстати, оно женского рода, что согласуется с женским значением фракийского слова. Здесь *saṃ* < *sama*; *κ* передаче др. инд. *m* через греч. *n* ср. Παρολιτιστος ряда авторов при др. ин. *Paṛoṇiṣadha*, имя царя Μάρβανος < *Naharāna* [Таронян, 2007, с. 468, 524–525], но, скорее, это произошло в самом фракийском, которому известно колебание *m-n*, в том числе перед губным, как, например, в наименовании города Μεσημβρία, Μενεβρία (*St. Byz., s. n.*). Базой заимствований подобного рода служат реликты индоарийского (киммерийского) и фракийского симбиоза в Западном и Северо-Западном Причерноморье [Яйленко, 2013, с. 133, 142–144, 146–148]. По С. В. Кулланде [2016, с. 24–25, 85], *σανάλη* заимствовано из северокавказских языков.

⁴⁰ [Procli Chrest. II, p. 105 Allen; Извори, 1981, с. 50]: Θραίσσα(α) δὲ τὸ γένος. Мы не располагаем ни текстом Эфиопиды, ни пересказом ее содержания Прокла (это некий писатель II или V в. н. э.), лишь выпиской Фотия из Хрестоматии Прокла, но ничто не дает оснований сомневаться в аутентичности приведенных слов Эфиопиды. Контекст: в то время, когда после смерти Ахилла Аякс и Одиссей состязались за обладание его оружием, «на помощь троянцам явилась амазонка Пентесилея, дочь Аресова, фракиянка же родом».

⁴¹ Некоторые склонны омолаживать время Арктина по упоминанию Ахилла на Левке, что не могло-де иметь места ранее основания Истрии и Борисфена [Шестаков, 1946, с. 156–157, ср. Christ, 1890, S. 70]. Однако Арктин милетянин, а Милет вел колонизационную деятельность почти исключительно в Черноморье: в том же VIII в. он основал Синопу (790–780 гг.) и Трапезунт (757), поэтому, хотя колонизация Западного и Северного Причерноморья велась в VII в., о Левке мог быть известен им и в VIII в.

⁴² [Shapiro, 1983, p. 107 f.]. По мнению Шапиро, представительное присутствие фракийских мотивов и персонажей в греческой мифологии является следствием сношений греков с Фракией в VI–V вв. Однако эта мифология складывалась, как и положено мифологии, в архаическую эпоху, поэтому, полагаем, причина состоит в общении греков с древнейшим фракийским населением Греции, о котором мы вели речь выше.

население Северо-Западной Анатолии, в том числе Трояды, во второй половине II тыс. до н.э. было фракийским, фригийским, греческим⁴³. По продуктивной идее В. Леонхарда, в древнейшей греческой традиции под амазонками подразумевались хетты и другие анатолийские народы⁴⁴. Поэтому можно считать, что войны с ними нашли отражение в реминисцентном виде в преданиях о сражениях греческих героев с термодонтскими амазонками: Геракл разбил их на Термодонте, Беллерофонт в Ликии⁴⁵. Хороший маркер амазонок – культ Артемиды как Великой Матери, более всего в Малой Азии он свойствен фригийцам и лидийцам, которые почитали ее в особенности под именем Кибелы (источники [Нерознак, 1978, с. 148-149]). По этой причине они могли прослыть у соседних фракийцев «рожденными Великой Матерью». Картографирование мест находок скульптурных изображений Артемиды Эфесской архаического времени и наложение их на карту расселения народов предшествующей эпохи выявило ту закономерность, что места культа богини не заходят на западные земли хеттов, т. е. в соответствии с указаниями античных источников приходятся на фригийский, мисийский, лидийский ареалы [Fleischer, 1973, S. 389; Сазанов, 1984, с. 161]. Если учесть, что у фригийцев и ликийцев засвидетельствована важнейшая матриархальная черта – счет родства по материнской линии [Herod. I, 173; Нерознак, 1978, с. 134; Моисеева, 1982, с. 126-127], то отсюда возможно гендерное перевоплощение во фракийской легендарной традиции всех фригийцев, лидийцев, ликийцев в один женский пол, в амазонок⁴⁶. Эту фракийскую мифологему усвоила греческая легендарная традиция и придала ей к VIII в. до н. э. (время Гомеровских поэм) законченный вид в предании о термодонтских амазонках, на формирование которого повлиял также культ богини Хепат в Комане близ реки Термодонт – она супруга верховного бога новохеттского пантеона Тешуба, по иконографии изображений (стоит на пантере) она Великая Мать [Cavaignac, 1950, pp. 48–55, cf. Güterbock, 1952, p. 347]. Как следствие тут появились и упомянутые выше «амазонские» топонимы.

Присутствие амазонок на территории Греции, подтверждаемое вышеупомянутой ономастикой и литературной традицией, в том числе их мифологические «походы» на Аттику объясняются в том же ключе: местные фракийцы предгомеровского времени называли именем Ἀμαζόνες племена тех обитателей страны, у которых были матриархальные институты и культ Великой Матери⁴⁷. Войны их друг с другом и

⁴³ Наиболее полно вопрос о фракийцах в Трояде, начиная с середины II тыс., разработал Л. А. Гиндин [1981, с. 139 сл., в особенности 149 сл., 165–168, 179–184].

⁴⁴ [Leonhard, 1911, дальнейшая лит. Иванов, 1976, с. 15–16].

⁴⁵ В легендарной греческой традиции амазонки были то в числе врагов Трои – с ними воевал в Вифинии Приам в союзе с фригийцами (II, III, 184–190; Strabo, XII, 8, 6), то союзников – так, по Павсанию (I, 15, 2), они явились под Троею для сражений с греками.

⁴⁶ Напомним указание Фемистагора (в пассаже из Геродиана, приведенном в начале этого очерка): «В Алопе, называемой ныне Ликией, что у Эфеса, женщины, единодушно отказавшись от обычных женских занятий и подпоясавшись поясами, стали заниматься всеми мужскими делами».

⁴⁷ Судя по статуткам, культ Великой Матери восходит в Эгеиде к эпохе неолита, распространен и на

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

фракийцами претворились в легендарной греческой традиции в войны населения Аттики и других областей с вторгшимися амазонками. Хотя имя Ἀμαζόνες фракийское, это не этноним, т. е. самоназвание народа, а аллоэтноним – обозначение народа соседями⁴⁸, этническая же принадлежность амазонок разная в зависимости от их местонахождения и локальной истории. Савроматские амазонки, как сказано, в историческом плане – женщины-воительницы народа савроматов. Амазонки Термодонта – продукт влияния новохеттского культа Хепат; показательно, что уже у античных писателей встречается мнение об их полной мифологичности: уроженец тех мест Страбон (родом из Амасии) в рассказах о термодонтских воительницах высказал сомнение в их историчности, поскольку ничего не осталось, кроме «амазонского» названия равнины, гор да города (*Strabo*, XI, 5, 3-4; XII, 3, 9). Как и в случае с савроматскими женщинами, видимо, на Термодонте некогда обреталось племя, часть женского населения которого богатырствовала, по причине чего в мифологии окрестных народов возникла легенда об амазонках (далее в § 4 мы покажем, что этим окрестным народом были фракийцы Пафлагонии и области Понт). К сим термодонтским амазонкам ввиду культа хеттской богини Хепат или ее хурритского прообраза вполне приложима гипотеза В. Леонхарда, что в древнейшей греческой традиции под амазонками подразумевались хетты, лучше сказать, анатолийские народы в целом.

§ 3. Вопросы локализации амазонок Северного Кавказа

Связь амазонок с фракийцами и тем самым фракийское происхождение их имени подтверждаются известиями об амазонках, живших на Северном Кавказе. Страбон (XI, 5, 1-2) отметил, что почерпнул информацию у Метродора Скепсийского, Гипсикрата из Амиса, также у Феофана Митиленца, который прошел с войском Помпея в 66-65 гг. до кавказской Албании. Это писатели первой половины I в. до н.э., историки Митридатовских войн (Метродор написал историю царя Тиграна)⁴⁹. Они серьезные историки, хорошо знавшие излагаемый материал, так что их известия о северокавказских амазонках лишь ввиду одного этого заслуживают доверия. В первой части рассказа об амазонках Страбон (XI, 5, 1) описывает их местоположение: «Как говорят, в горах над Албанией обитают амазонки. Феофан, который сопровождал Помпея в походе и посетил страну албанцев, рассказывает, что скифские племена

юге Балкан. Согласно легенде о происхождении афинян, первоначально в Аттике жены были общими, дети не знали отцов и назывались по имени матери; лишь со времен Кекропса заключаются индивидуальные браки [Варрон у Августина; Афиней, XIII, 1; Косвен, 1948, с. 9]. Память об этом была жива, поскольку Платон и киники Диоген да Зенон пропагандировали общность жен [Косвен, 1948, с. 10].

⁴⁸ Примеры аллоэтнонимов дают названия азербайджанцев, по происхождению тюрков-огузов, пришедших на территорию иранского Азербайджана в XI в., у окрестных кавказских народов: грузины называют их *татары*, абхазы – *ататар*, карачаевцы и балкарцы – *тюркли*, *къаджарлы*, лезгины – *турк*, кумыки, лаки, даргинцы – *къажар*, чечены – *Гажари*, *Гезало*, авары, андийцы и другие дагестанские народы – *надар*, рутулы, цахуры *мугъал* [Волкова, 1980, с. 209].

⁴⁹ Метродор казнен ок. 70 г., Гипсикрат и Феофан – современники Юлия Цезаря.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

гелов и легов живут между амазонками и албанцами и что в этой стране протекает река *Μερμάδαλις* посередине между этими племенами и амазонками. Однако другие писатели, тоже знакомые с этими местами (среди них Метродор Скепсийский и Гипсикрат), утверждают, что амазонки живут по соседству с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими». Далее говорится об образе жизни амазонок, в котором ничего особо примечательного нет: они занимаются необходимыми трудами – пахотой, садоводством, скотоводством, в особенности лошадьми, наиболее сильные заняты охотой верхом на лошадях и военными упражнениями; с детства выжигают правую грудь для удобного метания копья, вооружены также луком, боевым топором и легким щитом. Это фактологические сведения почти очевидца – Феофана, и специалисты с основанием указывают, что у женщин Северного Кавказа прослеживаются черты богатырства: в нартовском эпосе они ездят верхом, владеют мечом да стрельбой из лука, сражаются с врагами (подробней об этом ниже).

Затем Страбон (XI, 5, 2) уточняет локализацию амазонок в версии Гипсикрата и Метродора: река *Μερμόδας* свергается с гор, течет через страну амазонок и Сиракены, далее идет через пустыню и впадает в Меотиду⁵⁰. Сообразуясь с указаниями источников, что сираки живут ниже аорсов, давно считают, что Мермод – это Маныч, приток которого Егорлык имеет истоки на Ставропольской возвышенности в районе Невинномысска, т. е. здесь он горная река, потому и «с шумом низвергается с гор» [Подосинов, 2015, с. 316 сл., лит.]. Однако гидроним *Μερμόδας* неотделим от названия реки *Μερμάδαλις* Феофановской версии (напомним: между амазонками и албанцами живут гелы и леги, а река Мермадалис течет между амазонками, с одной стороны, и гелами, легами, с другой)⁵¹. Однако присутствие в рассказах как Феофана, так и Гипсикрата – Метродора амазонок да реки с похожим названием Мермод – Мермадалис указывает, что в обеих версиях речь идет об одних и тех же амазонках,

⁵⁰ Принадлежность этого уточнения к версии Метродора и Гипсикрата явствует из упоминания гаргарейцев, ибо в версии Феофана амазонки живут в соседстве с гелами и легами.

⁵¹ Палимпсест V в. н. э. дает тут вместо *Μερμόδας* рукописей ту же форму *Μερμάδαλις*, что и в версии Феофана [Подосинов, 2015, с. 317, прим.]. Иначе говоря, это уравнивает Мермод рукописей в версии Метродора и Гипсикрата с Мермадалисом версии Феофана: это две формы одного названия одной и той же реки. Иное отождествление этой реки – с Тереком – предложил В. А. Кузнецов [1980, с. 59–63], по мнению которого, Страбон ошибочно счел, что Мермод впадает в Меотиду: это невозможно, полагает он, ибо гелы и леги – соседи албанцев. Кроме того, с XVIII в. известна небольшая речка или ручей Мермодик, приток Фиагодона (приток Терека), так что Мермод Страбона – Терек. Полагаем, аргументы Кузнецова уязвимы. Во-первых, локализация гелов и легов пространственно широка: по Страбону (XI, 7, 1), гелы обитают от Каспийского побережья до вершин Кавказа (*Strabo*, XI, 7, 1), это оставляет их западную границу неопределенной, она может быть и весьма удаленной от Каспийского побережья. По Плутарху (Ромр. XXXV, 5-6), гелы и леги располагаются между албанами и амазонками (см. ниже). Во-вторых, в гидронимии известен перенос имени большой реки на приток соседней большой реки: например, у Южного Буга есть приток Днестр; по этой причине, полагаем, название притока Фиагодона Мермодик перенесено с имени большой соседней реки Мермод-Мермодалик.

ложение Амазонских гор: Мела (I, 109) помещает их между Мосхийскими (Юго-Западный Кавказ) и Каспийскими горами (Восточный Кавказ и его Андийский отрог в Дагестане). Амазонские горы известны и Плинию (VI, 10), так что страна амазонок – географическая реальность.

Дополнительные сведения о месте обитания амазонок, близкие данным Феофана, дал Плутарх (Ромр. XXXV, 5-6) в рассказе о втором сражении Помпея с албанами: «В этом бою, как говорят, вместе с варварами сражались амазонки, явившиеся с гор при реке Термодонт... Они населяют ту часть Кавказа, которая достигает Гирканского моря, граничат не с албанами, но посередине между (*διὰ μέσου*) теми и другими обитают гелы и леги. С последними амазонки на два месяца ежегодно сходятся на реке Термодонт для половой связи, затем живут сами по себе, чтобы быть свободными». Как видно, поначалу сказано об их месте жительства в части Кавказа, простирающейся до Каспия, затем говорится, что они сходятся с гелами и легами на реке Термодонт⁵⁴. Можно подумать, что место встречи находится в их исконном ареале у Фемискиры, однако этому противоречит не только расположение гелов и легов между амазонками и албанами, но и сомнение Страбона (XI, 5, 3) в реальном существовании термодонтских амазонок (он родом как раз из тех мест – из Амиса). Стало быть, река Термодонт располагалась между амазонками, с одной стороны, и гелами да легами, с другой. В соответствии с отождествлением пограничной межтеми и другими реки Мермодс с меридиональным течением верхней Кубани считаем приемлемой догадку А. А. Акопяна [1987, с. 60], что *Μερμόδας* – это искаженный вариант гидронима *Θερμόδων*, но с поправкой, что разность начальных согласных обусловлена не искажением, а фонетическими причинами. Средняя и восточная части Северного Кавказа – ареал нахско-дагестанских языков глубокой тамошней древности⁵⁵. При многочисленности согласных, в том числе при наличии фонетического ряда придыхательных, межзубный спирант *th* в этих языках редкость, зато в большей части языков *m* входит в первую десятку наиболее употребительных фонем [Климов, 1986, с. 88]. Поэтому можно думать, что по дальней диссимиляции *m* заменило начальное *th* формы *Θερμόδων* под влиянием срединного *m*, результатом чего и стала форма *Μερμόδας* (заметим также сохранение места ударения).

⁵⁴ В изложении Страбона Феофан связывал местообитание амазонок с рекой Мермадалис, гелами, легами, в изложении же Плутарха – с Гирканским морем. Первая локализация подробная, это почти свидетельство очевидца, вторая обобщенная, явно идущая от географической литературы. Ее отразил Мела (I, 12; III, 39): у Каспийского залива живут каспии и амазонки, именуемые также савоматидами (но это не танаисские савроматки – о них подробный рассказ в кн. I, 114). Сведения о Северо-Западном Прикаспии получены в Риме от боспорского царя Митридата (VI, 16-17). Локализация амазонок у Танаиса и Каспия присутствует и у Плиния (VI, 19 и 39). Таким образом, излагая данные Феофана об амазонках, Плутарх присовокупил от себя митридаговские сведения о прикаспийском регионе амазонок.

⁵⁵ См. идентификации В. Б. Виноградовым [1975, с. 36-43] упомянутых Страбоном народов с предками вайнахских и дагестанских народов. О. Н. Трубочев (1999, с. 256), привел название реки в Индии

добавим и заимствования из догреческой лексики в греческую, где они представлены в реликтовом виде: τὰ γάργαρα «куча, груда; множество, толпа (о людях)» у комиков V–IV вв. до н. э. Алкмана и Аристомена, да глосса Гесихия γαργαρήσ· θόρυβος «шум толпы людей» [LSJ, s. vi.] (все это к индоевроп. *ghar-, *gher- «гора, холм, камень»). Ряду языков известно образование производных форм и множ. числа посредством редупликации основы⁵⁷. Полагаем, γάρ-γάρ явление того же рода: это множество камней-гор, метонимически и людей, так что значение этнонима Γαργαρεῖς «горцы». Таково же по смыслу имя народа Ἰαγυροί «горцы» в Северо-Западном Приазовье и меотского народа Ἰαγυροί в Восточном Приазовье [Strabo, XI, 2, 11; Яйленко, 2015, с. 407-408], того же значения и грузинское средневековое этнонимическое обозначение mt' iulebi «горцы» (от mta «гора»).

Фракийцев рассматриваемого рассказа Страбона можно связать с фракийцами Восточного Приазовья, засвидетельствованными Диодором, эпиграфикой, местной топонимикой и этнонимикой фрако-дакийского происхождения [Яйленко, 2014, с. 545–550]. Однако загадочные евбеицы этого рассказа препятствуют такому решению, ибо на Боспоре их нет, и дают основание для поиска другого возможного пути появления фракийцев на Северном Кавказе – через северные области Малой Азии.

Как и в случае с гаргарейцами, употребленный Страбоном этноним евбеицев (Εὐβοέων τινῶν) тоже ведет нас в Эгеиду и на Балканы, ибо это не что иное, как точный этноним жителей острова Евбея у писателей классического времени и в языке койне – Εὐβοεῖς (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 401]). Разгадку дает местный писатель IV в. до н. э. Аристотель из Халкиды, автор «Истории Евбеи», по сообщению которого, «фракийцы из фокидской Абы поселились на острове и дали жителям имя абантов» (*apud Strab.* X, 1, 3). Тут же Страбон указывает, что остров назывался также Абантидой и что Гомер упоминает Евбею, но никогда не именует ее жителей евбеицами, всегда абантами (II, 536, 542). Таким образом, раннее название острова Евбея – Абантида, известное уже Гесиоду (у Стефана Византийца), и жители ее – фракийские абанты, они и другие фракийцы, полагаем, как раз и фигурируют в рассказе Страбона о противниках северокавказских амазонок (Θρακῶν καὶ Εὐβοέων τινῶν), тем более, что и третьи супостаты амазонок гаргарейцы, как сказано, вышли из того же северо-западного анатолийского и (или) южнобалканского ареала. Раннего времени также связанные с гаргарейцами упомянутые топонимические и лексические реалии – название Гаргарос и соответствующие греческие глоссы происходят из догреческого языка. Евбеиские абанты, по Геродоту (I, 146), в эпоху колонизации Ионии (исторически этот процесс проходил с XI в. до н. э. [Лаптева, 2009, с. 66 сл.]) составили значительную часть ионян. Они приняли участие в основании Милета (*Paus.* VII, 2, 4); трагик V в. до н. э. Ион Хиосский в своем историческом труде об основании Хиоса рассказывает, что остров заселили в числе прочих абан-

⁵⁷ Например, др. инд. kaṛkaṅga- «твердый», бербер. akorkig «каменистое место», картвел. kaṛkaṅ «высокий утес», все к ностратич. kaṅl- «скала, крутая возвышенность» [Иллич-Свитыч, 1971, с. 341].

и их имени отметим, что в античном мире речное имя Θερμῶδων отмечено лишь дважды – наряду с Фемискирой еще в Беотии близ Херонеи (*Plut. Thes. 27; Dem. 19*). Название неясно: основа кажется греческой (к θερμός «теплый» = фрак. *germ-*, из индоевр. *gh^wer-*), но исход (-ῶδων) не объясним. Г. Краэ произвел его из θερμῶδης «теплый», что поддержал П. Шантрэн [*Chantraine, 1968, p. 431*], однако это прилагательное – очевидный поздний дублет к θερμός: оно засвидетельствовано лишь раз и поздно – медиком II в. н. э. Аретаем [*LSJ, s. v.*], тогда как гидроним, и беотийский и пафлагонский, известен со времен Геродота. Это заставляет рассмотреть иные варианты. Исход -δων употребителен в ономастике Балкан, Эгеиды, Малой Азии. Ю. В. Откупщиков [1988, с. 82–83] счел его греческим суффиксальным наращением из двух суффиксов -δ- и -δων, однако заметим, что сим не объясняется долгота соединительного *ō*: при основе θερμo- уже есть соединительное -o-, так что введение дополнительного -a- (ο-αδων > -ῶδων) было бы безосновательным. Л. А. Гиндин [1981, с. 65–76] более аргументированно увидел в исходе -δων фракийско-догреческий элемент со значением «земля, страна». Это дает возможность считать гидроним Θερμῶδων фракийским, но сложного происхождения. Поскольку индоевроп. *gh^w* давало и во фракийском и в догреческом *g*, основа θερμo- является фракийским заимствованием из греческого, как в дакийско-иллирийском топониме Θερμίδαυα, состоящем из заимствованного греческого θερμ- и дакийского слова -dava «город». Исход гидронима -ῶδων фракийский: с фрак. -δων «земля» и соединительным *ō*, как, например, во фракийском дублетном наименовании города Каттуза Ρακῶλη (*St. Byz., s. n. Κάττουσα*), в пафлагонском топониме Κινῶλη и др. Напомним, что и в Беотии и Пафлагонии обреталось в числе прочего фракийское по происхождению население⁶⁰.

Что наше решение верно, свидетельствует также второе наименование той же реки близ Херонеи. Говоря о Термодонте, Плутарх (*Thes. 27; Dem. 19*) отметил, что теперь это речное название утрачено, – так когда-то называли нынешний Гемон (Херонея – родина Плутарха, так что он хорошо знает тамошние реалии). Иными словами, древний гидроним Θερμῶδων замещен в какое-то время названием Αἴμων (вариант: τὸ Αἴμων)⁶¹. Последнее зафиксировано в античном мире также еще лишь раз: Гемоном (τὸ Αἴμων) называлась горная цепь во Фракии (Гекатей, Геродот; ныне Стара Планина [*Detschew, 1957, S. 9-10*]). Название фракийское – и ввиду несопоставимости величин, и по прямому указанию Овидия (*Met. VI, 87* и др.), что эпоним горной цепи Гем фракиец. Значение оронима и гидронима поясняется родственными

⁶⁰ Значение названия Θερμῶδων при нашем толковании – «теплоземный, теплопочвенный», т. е. текущий по теплой земле. Земля теплая от теплых почвенных ключей (это обычно на всех термальных выходах, даже в Исландии). «Земляными» называются и реки, например, Αἶα – приток Аксия в Македонии (*Strabo, VII, fr. 21, 23, с отсылкой к II, II, 850*), Αἰανίς – источник в Опунтской Локриде (*Strabo, IX, 4, 2. Ср. и Земляная, Землянка в Воронежской и Тюменской областях [Мурзаев, 1984, с. 223]*).

⁶¹ Из текста Плутарха явствует, что уже историку IV в. – раннего III в. до н. э. Дурису беотийское название реки Термодонт казалось мифическим.

Аполлония Родосского это обычный троп (Arg. I, 709, 763 *etc.*). По данным разного свойства, минии были фракийцами [Откупщиков, 1988, с. 45]. Согласно Гекатею Милетскому (fr. 119 Jас.), Македония и часть Фессалии – фракийские области; это подтверждает Эфор, данные которого подробно излагает Страбон (IX, 2, 1–4)⁶⁷. Со ссылкой на Кирсила из Фарсала и Мидия из Ларисы, участников восточного похода Александра Македонского, Страбон (XI, 14, 12-14) пишет о походе фессалийца Ясона до Армении, о тамошних фракийцах-сарапарах. Минии острова Лемнос – потомки аргонавтов, прибывших из Фессалии (*Apoll. Rhod.* Arg. 849-852). Орхоменские минии принимали участие в походе на Трои, позднее колонизовали остров Теос (*Paus.* VII, 2, 4; 3, 6; IX, 37, 7). Топонимический ареал миниев пространственно широк: города по имени Μίνυα в Фессалии и Фригии, река Μίνυεία в Пелопоннесе у Пилоса⁶⁸, остров Μίνυία близ карийского побережья, даже Μίνυάς – область в Армении; Свида упоминает также местности по имени Μίνυήϊον и Μίνυείον, но без локализации [Pape, Benseler, 1884, S. 928-929]. Как видно, география распространения «минийской» топонимики – Фригия и Армения – совпадает с легендарной традицией о плавании минийцев-аргонавтов в Закавказье. Подобного рода совпадения считаются в общей топонимии свидетельством исторических миграций народов. Посему за преданием о походе аргонавтов во главе с Ясоном на Кавказ стоит историческая миграция фракийцев-миниев туда. При этом обратим внимание, что золотое руно как цель плавания аргонавтов в Колхиду не что иное, как фигуральное воплощение плавания за золотом; это находит подтверждение в преданиях орхоменских миниев о своей ранней истории, в которых говорится о златолюбии и чрезвычайном богатстве их далеких предков (*Paus.* IX, 36, 4; 37, 3–6). Но там, в равнинной Западной Грузии, золота нет, добыча его велась⁶⁹ и ведется поныне в прибрежных горных речках Абхазии, Большого Сочи и севернее; стало быть, туда направлялись аргонавты, и это уже почти Северный Кавказ [Яйленко, 2013, с. 128]. Однако амазонки, гаргарейцы, фракийцы и евбейцы исследуемого рассказа Страбона (XI, 5, 1) помещены на Северном Кавказе много восточнее, ближе к Каспию – «в горах над Албанией». Примечательно, что легендарная традиция о походе Ясона и его спут-

⁶⁷ По Страбону, фракийцы и пеласги изгнали из беотийских Фив потомков Кадма, которые перешли в Фессалию, но затем вернулись в Беотию; тут они подчинили орхоменских миниев, вместе с которыми изгнали пеласгов в Афины, а фракийцев оттеснили к Парнаксу. В другом месте Страбон (VII, fr. 11, 14, 16) отметил, что большую часть Македонии занимали боттии и фракийцы; в области горы Олимп жили фракийские пиеры, под склонами Олимпа обитали гиртонцы и кранноняне, именуемые у Гомера (II. XIII, 301-302) эфирцами и флегиями; Гиртон перребский и магнетский город (на Пенее в Фессалии), Гомер в указанном стихе 301 говорит, что вожди эфирцев и флегиев привели их «из Фракии».

⁶⁸ Кстати, фракийцы некогда обитали и в Пелопоннесе, так как название Спарта фракийское [Топоров, 1980, с. 55-59]. Этим верифицируется историчность мифообразного известия Страбона (VII, 7, 1), что Пелопс привел на Пелопоннес народы из Фракии.

⁶⁹ Плиний, VI, 30: валлы и суаны (сваны) добывают золото в рудниках Гурдинских гор. Сваны горцы, Гурдинские горы то же, что Коракские или Гениохские (см. комм. Л. А. Ельницкого: ВДИ. 1949, 2, с. 299, прим. 6).

Боспорские исследования, вып. XXXIII

Азиатском Боспоре – в Восточном Приазовье и предгорьях Северного Кавказа [Яйленко, 2014, с. 545–550]. В рассказе Страбона о войне амазонок с гаргарейцами, какими-то фракийцами и евбейцами, как мы показали, евбейцы тоже фракийцы (абанты), так что внутренняя достоверность «фракийского» в нем присутствует. Историки Митридатых войн, у которых Страбон почерпнул сведения об амазонках и гаргарейцах, судя по этому эпизоду, вкрапляли смутные представления легендарно-исторической греческой традиции о делах догомеровского и гомеровского времени в канву своих рассказов о событиях, происходивших на территории обширного царства Митридата Евпатора – как в области Понт (по их рассказам, здесь отправная точка миграции амазонок и гаргарейцев), так и на Кавказе: сюда они мигрировали. Видимо, в кавказской части царства Митридата знали, что у соседних народов Северного Кавказа были женщины-воины; как и в случае с савроматами, греки Понтийского царства увидели в них термодонтских амазонок своей мифологии, отсюда и мотив их миграции на Северный Кавказ. Такой интерпретации историков Митридатых войн, однако, противоречит присутствие в рассказе об амазонках вполне исторических гаргарейцев, фракийцев и евбейцев. Это могла быть часть гаргарейцев, фракийцев и евбейских абантов Северо-Запада Малой Азии, двигавшаяся на восток в русле вероятного фракийского передвижения в Армению и Колхиду, ответвление которого достигло Северного Кавказа. Местных женщин-воительниц они называли по своему обыкновению *Ἀμαζόνες*.

Фольклору северокавказских народов хорошо известны богатырствующие женщины, воюющие с мужчинами. Героиня кабардинского нартского эпоса богатырша Даханаго уничтожала нартов: «Их она копьем сражала / и стрелой пронзала меткой, / девяносто девять храбрых / витязей, пытавших счастья, / гибель встретили в жестоком / поединке с Даханаго» [Нарты, 1957, с. 362-363]. Но когда нарт Япанес выказал в бою с нею равную отвагу и воинское искусство, она стала его женой. Воинские подвиги нартских воительниц описаны в осетинской «Песне о героических женщинах нартов»; в юго-осетинском нартском эпосе вооруженные девушки сражаются с великанами-уаигами (авсаронами), в другом рассказе нартами долго правит переодетая юношей девушка; когда феодал Бархун разорил селение нартов, девушки год упражнялись в воинском деле и разбили его; затем они вступили в бой с уаигами и одержали победу⁷⁴. В черкесском предании говорится о войне черкесов и амазонок-еммечь, которая завершилась после брака вождя черкесов с их предводительницей; согласно балкарской легенде, героиня нартского предания Сатана явилась в Приэльбрусье с Кубани и разогнала тамошних чудовищ-эмегенов; та же Сатана сражалась в воинских доспехах с женихами; тебердинская Кызы-хан до тех пор владела крепостью с женщинами-воинами, пока нарт Сосруко не женился на ней; на Рым-

⁷⁴ [Нарты, 1957а, с. 39–40, 45–50; Сказания, 1981, с. 348 *сл.*, 382 *сл.*]. Осет. *wæjyg* (уаиг-великан) восходит к имени иранского божества ветра, сражения, победы *Waui-* [Абаев, 1989, с. 68–71]. Через демонизацию в средневековое и новое время имя древнего божества превратилось в обозначение чудищ.

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

горе, близ Кисловодска, располагались укрепления амазонок [Мелетинский, 1963, с. 160–162; Кузнецов, 1980, с. 45–51, 55]. Воинские подвиги нартовских женщин возможны лишь в обществе с хорошо выраженными матриархальными чертами, и они, эти признаки, явственно проглядываются в нартовском эпосе⁷⁵.

Нартовский эпос в основном средневекового происхождения, но частично содержит и элементы античного времени. Древность упомянутых сказаний о девушках-воительницах, точнее, их архетипа, обосновывается наличием на Северном Кавказе женских захоронений с оружием скифского времени [Марковин, 1965, с. 166–168; Виноградов, 1972, с. 46–50]. Это автохтонная местная традиция на Северном Кавказе. Вместе с тем нартовский эпос по происхождению двухслойный – автохтонный и привнесенный. Автохтонный слой абхазо-адыгский, возможно, также иранский, привнесенный – аланский (иранский). Задонские савроматы VI–V вв. до н. э. оттеснялись прохоровскими и прочими сарматами с IV–III вв. в Предкавказье. С появлением здесь этих «женоуправляемых» савромат в кавказский эпос вливается новая струя сказаний о богатырствующих женщинах: старая местная традиция еще кобанских времен была существенно обогащена савроматской действительностью. Такова предыстория упомянутых нартовских сказаний о местных «амазонках».

Сказанием подобного рода на Северном Кавказе античного времени и является рассказ о войне местных «амазонок» с пришлыми гаргарейцами, фракийцами и евбейцами. Историки Митридатовых войн (или даже предшествующая греческая литературная традиция) по обыкновению греков автоматически сочли этих «амазонок» термодонтскими женщинами-воительницами, следствием чего стало и представление о переселении их на Северный Кавказ. В подтверждение сказанному представляют рассказы Плутарха (Rom. 34-35) и Аппиана (Mithr. 103) о двух сражениях Помпея с албанами, в которых принимали участие и амазонки⁷⁶. Аппиан завершил рассказ о первом бое известием, что амазонки шли в триумфе Помпея по возвращении его в Рим. Плутарх же, говоря о втором сражении, сообщает, что трупов амазонок не видели, но найдены характерные для их вооружения щиты и котурны. Он (лучше сказать, Феофан) счел этих амазонок пришедшими с Термодонта: «Они населяют ту часть Кавказа, которая достигает Гирканского моря, граничат не с албанами, но посередине между (*διὰ μέσου*) теми и другими обитают гелы и леги»⁷⁷. Нам интересно известие Феофана, что второе сражение произошло при реке Абант (*Ἀβας, gen. Ἄβαντος*, ее отождествляют с Алазанью), название которой соответствует абантам-евбейцам, фигурирующим в рассказе Страбона о войне северокавказ-

⁷⁵ [Абаев, 1990, с. 169-171; Булах, 2005, с. 15-16]. «Женщина выступает обычно в нартовском эпосе как существо сильное и властное, пользующееся большой личной свободой и самостоятельностью» [Абаев, 1990, с. 170].

⁷⁶ Их источник – очевидец событий Феофан Митиленский, участник кавказского похода Помпея. Аппиан рассказал о первом сражении при реке Куре, Плутарх – о нем же и втором бое при реке Абант. См. об этих боях [Тревер, 1959, с. 98 сл.].

⁷⁷ О том, что локализация в Прикаспии принадлежит не Феофану, а самому Плутарху, см. выше.

казских амазонок с гаргарейцами, фракийцами и евбейцами⁷⁸. Собственно, Ἄβας и означает «абант» (*pl.* Ἄβαντες). По правилу общей топонимики этноним происходит от гидронима (например, в Северном Причерноморье борисфениты, танаиты, аксиаки), происхождение гидронима прозрачно – из фрако-дак. *aba «вода, река»⁷⁹. На водную природу имени абантов указывают также топонимика и мифология Греции⁸⁰. Наличие на Северном Кавказе «абантского» названия реки означает, что евбейцы-абанты рассказа Страбона об амазонках давно укоренились в данной местности, и это соответствует мнению о ранней фракийской миграции в Закавказье и на Северный Кавказ⁸¹.

Абант не единственная река, связанная с амазонками и перенесенная на Северный Кавказ. Река Мермод, пограничная между амазонками и местными народами гелами да легами, как сказано, тождественна верхней Кубани. Анализ рассказа Плутарха (Ромп. XXXV, 4-5) о двухмесячном совместном проживании с этими народами «на реке Термодонт» показал, что последняя тождественна Мермоду и очень вероятно догадка А. А. Акопяна [1987, с. 60], что Μερμόδας – это искаженный вариант гидронима Θερμόδων (*см.* выше в § 3 о реке Мермод). Напомним, что и в область Понт гидроним Θερμόδων перенесен фракийцами из Беотии (*см.* там же), этим верифицируется дальнейшее передвижение его фракийцами на Северный Кавказ.

⁷⁸ С. Г. Петросян в статье 1976 г. (она на армянском языке, поэтому пользуюсь краткими замечаниями А. А. Акопяна [1987, с. 63]) счел, что первоначально в рассказе Феофана фигурировали абанты, превращенные Страбоном в евбейцев. Абанты же население двух армянских областей – Сюника и Арцаха (Карабаха), именуемых Хабанд. Фракийцев рассказа Страбона Петросян сопоставил с фрако-киммерийскими племенами, которые обитали в VI–V вв. до н. э. в районе озера Севан; гаргарейцев сопоставил с ингушами, в амазонках увидел население долины реки Алазань (т. е. связал гидроним с именем амазонок). По поводу этих сопоставлений Акопян с основанием заметил, что для локальной войны амазонок с соседями это слишком обширный ареал.

⁷⁹ Это вариант более употребительной топоосновы *ара «вода, река», *ср.* фрако-дакийские топонимы Zald-ара, Zald-aba и др. [Duridanov, 1969, S. 92; Дуриданов, 1976, с. 35]; сюда также имя нимфы Ἄβα и др. [Гиндин, 1981, с. 24, 131]. По мысли И. Дуриданова, *b* в слове *aba вторичное (< *ара). Северокавказский гидроним Ἄβας не может быть иранским, так как древнеиранская форма *ар- «вода река», форма же ab новоиранская. На балканско-эгейский характер этого речного имени указывает и его -вт-суффиксация (*gen.* Ἄβαντος).

⁸⁰ Мифология: первопредок абантов Абант (Ἄβας), по одной из версий, сын Посейдона и нимфы Аретузы, т. е. у него двойная водная природа; сам Абант породил Акрисия, отца Данаи, и Аретузу, тоже водные персонажи. По одной версии, Абант правил в пелопоннесском Аргосе, по другой – в фессалийском Аргосе (*Strabo*, IX, 5, 5), из этого явствует участие его потомка Идмона в походе аргонавтов (*Apoll. Rhod. Arg.* I, 142, II, 815 *sq.*). Топонимика: Стефану Византийскому известна река Абай (Абант) в Италии, – название перенесено из Греции, где название часто: есть несколько городов (Ἄβα в Фокиде на реке Кефис, Ἄβαντα при Парнасе, Ἄβαντία в Эпире), гор (Абант) и местности в Феспротии (источники [Pape, Benseleg, 1884, S. 1-2]).

⁸¹ Алазань течет по границе Западной Грузии и Юго-Восточного Дагестана, затем по северо-востоку Азербайджана, где впадает в Куру. Обычно ее имя производят из грузинского: *ала* «сырой, влажный», *зани* «место» [Никонов, 1966, с. 18]. Однако большая ее протяженность позволяет предполагать, что в какой-то части она могла в древности протекать в местности, населенной абантами или какими-либо другими фракийцами и получить там свое имя: *см.* выше в разделе об алазонах о реке Ἀλίζων.

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

Заслуживают внимания и топонимы в Северо-Западном Прикаспии – река Γέρρος, при ней народ Γέρροι, неподалеку местность Μισία (*Herod. IV, 56, 71. Ptol. Geogr. V, 8, 25; 11, 2; 11, 6*). Аналогичные имена реки Герр и народа герры в Нижнем Поднепровье фракийские по происхождению [Яйленко, 2014, с. 537-538; *ср.* Топоров, 1977, с. 42]. В названии местности или селения Μισία в Северо-Западном Прикаспии можно видеть итацированную форму имени областей во Фракии и в Северо-Западной Малой Азии Μυσία [Pape, Bensele, 965]⁸².

Как сказано, давно бытующее в науке отождествление имени местности в Грузии Триалети с этнонимом фракийских треров (Τρήρες) делает возможным и сопоставление имени фракийского народа Σκαοί с арм. (h)skau «гигант, великан» [Джаукян, 1984, с. 12], что поддерживается аналогичным развитием этнонима киммерийцев в груз. gmiri, осет. gmiri «великан» [Абаев, 1958, с. 530; Яйленко, 2013, с. 150-151]. В этом плане интересно указание Гесихия [*с. н. Ἄβαντες*], что этноним Ἄβας равнозначен слову κολοσσός «огромная статуя». Это означает, что подобное развитие значения произошло и с этнонимом абантов, которые представлены в Илиаде выдающимися воинами⁸³. Соответственно, битвы нартовских «амазонок» с великанами-уаигами [Нарты, 1957а, с. 45–50; Сказания, 1981, с. 382–383] можно сопоставить с сообщением Страбона о войне северокавказских амазонок с гаргарейцами, фракийцами и евбейцами, последние из которых, как мы показали, были абантами. Разумеется, сражения нартов-мужчин и женщин с великанами – эпический троп, свойственный эпосу разных народов⁸⁴, но есть и сказание о битве нартов с алдаром Гумиром [Нарты, 1957а, с. 332-333], *scilicet* с киммерийцами. И это не столько эпический полет фантазии, сколько отзвук далекой истории, поскольку исторические киммерийцы (а источники так именуют и скифов) совершали походы со степного юга России в Ассирию, Закавказье, Малую Азию через черноморское и каспийское побережья Кавказа (*Herod. I, 103-104*; лит. [Народы нашей страны, 1982, с. 169–177, 218–220]), когда и могли происходить их столкновения с местным населением.

Аналогичным образом историческую подоплеку имеет и рассказ Страбона о войне амазонок с гаргарейцами, фракийцами, евбейцами. Придя на Северный

⁸² К форме с итацизмом (ι вместо υ) *ср.* дублеты Μίσση = Μύση, Μισαρίς = Μυσαρίς *etc.* [Pape, Bensele, 1884, S. 932].

⁸³ П. II, 536 *sq.* : абанты «дышат мужеством», они «воины пылкие, горящие ударами ясеневых копий медные брони врагов разбивать рукопашно на персях» (Н. И. Гредич), их предводитель Элефенор – «отрасль Арея», т. е. воинственный. Приведя слова Ф. М. Достоевского о жизненности образов А.С. Пушкина – «стоят, как изваянные», В. И. Абаев [1990, с. 218-219] пишет: «Эти слова как нельзя лучше подходят к нартовским героям. Именно изваянными каким-то скульптором-титаном кажутся фигуры Урузмага, Сатаны, Батраза, Сослана, Сирдона». На наш взгляд, это прекрасное объяснение перехода от богатырского фольклорного образа к величественному скульптурному изображению: так этноним абант претворился в слово κολοσσός «огромная статуя». Аналогичное развитие этнонима киммерийцев представлено в осет. gʷmiri, gmiri – «великан, дубина, идол»; оно заимствовано в старославянский: *коумирь* «идол» [Львов, 1967, с. 192].

⁸⁴ Нарты и сами порой предстают великанами [Мелетинский, 1963, с. 165-166].

Кавказ, эти фракийцы по своему обыкновению прозвали в своих сказаниях амазонками местное население с его матриархальными элементами и женщинами-воинами. Военные столкновения пришлых фракийцев с северокавказским населением и нашли отражение в рассмотренном рассказе Страбона.

Подведем итоги. Аллоэтноним *Ἀμαζόνες* фракийский, означает «рожденные Великой Матерью». Им жившие в предгомеровской Греции фракийцы обозначали тех обитателей страны, у которых был культ Великой Матери и отдельные матриархальные черты. По тем же причинам фракийцы северо-запада Малой Азии называли так фригийцев, ликийцев, хеттов и др. Показательна в этом отношении мифология термодонтских амазонок – это обозначение хеттов Команы, почитавших местную ипостась Великой Матери, богиню новохеттского пантеона Хепат. В рассказах об амазонках вне Малой Азии и Греции – у савроматов и на Северном Кавказе – это вполне исторические, этнически разные группы местных женщин-воительниц. Гаргарейцы, фракийцы и евбейцы рассказа Страбона о сражении амазонок с ними – отзвук реального передвижения фракийцев через Малую Азию в Закавказье и на Северный Кавказ.

III. Эксампей

§ 1. Данные Геродота, Витрувия, Мелы об Эксампее

Согласно Геродоту (IV, 52), «возникающая из озера река Гипанис на расстоянии пяти дней плавания узкая и вода сладкая, но отсюда по направлению к морю (*ἄπὸ δὲ τοῦτου πρὸς θalάσσης*) на расстоянии четырех дней плавания весьма горькая. Ибо впадает в него горький ручей (*κρήνη πικρή*), настолько горький, что, хоть и малый, он делает горьким Гипанис, одну из немногих крупных рек. Сей ручей расположен на границе земли скифов-пахарей и алазонов. Имя его и той местности, где течет, по-скифски *Ἐξάμταιος*, на греческом же языке *Ἱραὶ ὁδοί* («священные пути»). Реки Тирас и Гипанис сближают свои пределы у земли алазонов (*κατὰ Ἀλιζῶνας*), но отсюда пойдя врозь, каждый течет, расширяя междуречье». Текст вполне ясен: горький родник Эксампей делает некачественной воду Гипаниса, расположен он на пограничье алазонов и пахарей. Далее Геродот (IV, 81) отметил, что Эксампей расположен между Борисфеном и Гипанисом, из чего следует, что он находится на некотором удалении от Гипаниса; это означает, что в виде ручья источник течет в какой-то левый его приток. Установить местонахождение Эксампея из данных Геродота можно лишь приблизительно, по упомянутому им пограничью алазонов и пахарей. Наметить эту границу помогает принадлежность алазоном восточноподольской группы скифских археологических памятников, а пахарям киевской группы (см. выше, очерк I). На современной карте граница между обеими группами проходит по меридиану Умань (здесь верховья рек Горный Тикич, Ятрань) – исток Росси (правый приток среднего Днепра). Условно говоря, это течение Горного Тикича. Южная граница ареала алазонов проходит по широте Гайворонаили Джулинкаина Буге. В пределах

что отрезок реки длиной в 4-дневное плавание следует сразу после отрезка длиной в 5-дневное плавание, которое Геродот отсчитывал от истока реки⁸⁶. Километраж дневного плавания исследователи рассчитывают по-разному – от 30 до 80 км [Народы нашей страны, 1982, с. 280; Агбунов, 1985, с. 145–148], на наш взгляд, наиболее обоснована примерами цифра Б. А. Рыбакова [1979, с. 29, 32, 38]: 32–35 км, ибо на протяжении большей части своего течения (от Гнивани до Александровки) Буг порожистая горная река, верхнее течение (от истока до Винницы) неглубокое и заболочено. При любой из этих цифр 9 дней плавания от истока приводят на среднее течение Буга, что соответствует локализации алазонов и идентифицируемой с ними восточноподольской группы скифских археологических памятников⁸⁷.

Данные Геродота существенно уточнил Витрувий (VIII, 3, 11): Гипанис течет от истоков примерно 40 миль (ок. 60 км) с весьма сладкой на вкус водой, но в 160 милях (ок. 240 км) от устья он принимает очень небольшой горький приток, который делает

⁸⁶ В рецензии на книгу Б. А. Рыбакова о Геродотовой Скифии я счел выражение Геродота ἀπὸ δὲ τοῦτου не вполне точным и потому связал 5 дней плавания с верхним течением Буга, а 4 дня плавания – с нижним, исключив тем самым несудоходное среднее течение, где Буг – горная река [Яйленко, 1983а, с. 56 = 2013, с. 162]. Однако теперь вижу, что для признания указанного выражения «не вполне точным» реальных оснований нет, так что Геродот вел речь о 9 днях плавания по Гипанису от истока вниз по течению. Дело в том, что в целом течение Гипаниса – Южного Буга охарактеризовано Геродотом довольно точно. 1) Каждая из больших рек Скифии, по Геродоту, вытекает из озера, и это считается условным тропом. Однако в отношении Гипаниса его указание справедливо – Южный Буг вытекает из болот в Хмельницкой области на Подольской возвышенности. 2) Течение Буга трехчастно: в верхнем отрезке берега его пологи, в среднем он почти горная река с высокими берегами, в нижнем он широкая степная река. Деление Геродота на отрезки в 5 и 4 дней плавания соответствует верхнему и среднему течениям Буга. 3) В верхнем и среднем течении Буг действительно узкая и неглубокая река (таковы оба значения слова βραχύς); 4) Верно указание Геродота о параллельном течении Буга и Днестра (см. ниже). Эта точность сведений Геродота не позволяет сомневаться в том, что выражение ἀπὸ δὲ τοῦτου фразы о 4 днях плавания относится к слову πλόος «плавание» предшествующей фразы о 5-дневном плавании.

⁸⁷ См. рис. 1 и [Яйленко, 2013, с. 168]). Без сомнения, только что отмеченная точность сведений Геродота о верхнем и среднем течениях Гипаниса обязана ольвиополитам, через посредство которых осуществлялась в VII–VI вв. до н. э. торговля с Немировым, крупнейшим центром восточноподольской группы скифских археологических памятников, сиречь с алазонами (о репрезентативном греческом импорте сюда см. [Вахтина, 1996, 1998, 2000; Вахтина, Кашуба, 2013]). Иначе говоря, Геродот получил сведения о 4 и 5 днях пути, а также об Эксампее, в Ольвии и они точны до Немирова и даже выше по течению Буга. Разделив 850 км длины Буга на 9 (5+4), получим нереальные 95 км плавания в день. Однако М. В. Агбунов [1895, с. 152] с основанием указал, что за озеро-исток Гипаниса можно принять течение Буга близ Винницы, где он широко разливается, так что общая длина Геродотова Гипаниса около 550 км. В таком случае дневное плавание – 61 км, что тоже нереально, ибо почти сразу за Винницей Буг – порожистая горная река. Это означает, что Геродотовы 9 дней плавания не предполагают всю длину реки. Приравняв дневное плавание в 35–40 км и приняв догадку М. В. Агбунова об озере-истоке где-то севернее Винницы, получим местонахождение Эксампея примерно в 350 км от нее, в районе Гайворона или Первомайска. Это верхнее и среднее течения Буга. В новое время в нижнем течении вода Буга не имеет горечи, что обусловлено спадом активности Эксампея, также впадением крупных притоков слева и справа – Кодымы, Чичиклеи, Арбузинки, Мертвовода, Гнилого Еланца, Ингула, что способствовало улучшению качества воды Нижнего Буга. В V в. до н. э. климат был достаточно влажным, южнорусские степи незасушливы, и можно предполагать, что вода левых притоков Буга была тогда чище нынешней.

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

эту полноводную реку горькой; причина горечи воды Эксампея – залежи сандарака в той местности⁸⁸. Не стоит обманываться насчет точности указанных цифр – они очень приблизительные. Во-первых, об этом свидетельствует неточная длина Буга – всего 300 км (от истоков 40 миль, от устья 160) при реальной 850-километровой длине⁸⁹. Во-вторых, неопределенно положение устья Буга в I в. до н. э.: известно лишь, что оно располагалось в то время южнее Ольвии, так как нынешний Бугский лиман, на котором теперь лежит Ольвия, тогда был коренным руслом реки; лишь позднее ввиду подъема уровня моря на 5-7 м оно постепенно становилось лиманом (*ср.* [Агбунов, 1992, с. 160, 180]). Видимо, стартом устья Гипаниса считалось устье Днепро-Бугского лимана, т.е. отсчет велся примерно от Березани (Очакова) [Шилик, 1979, с. 453; Агбунов, 1985, с. 144]. В-третьих, промеры, данными которых воспользовался источник Витрувия, если и были произведены шагистами (скорее всего, для карты Агриппы), то не далее Ольвийской хоры вверх по реке, т.е. примерно до Николаева. Расстояния же на более удаленном к северу течении высчитывались посредством перевода дней плавания в римские мили. Однако выше Александровки Буг представляет собой горную реку, так

⁸⁸ Источник сообщения Витрувия римский, так как меры даны в милях, это естественноисторическое по характеру сочинение, автор которого в рассказе о горьком источнике отталкивался от Геродота, но привлек данные промеров расстояний и местную информацию о минеральных залежах. Это сочинение было создано во второй половине I в. до н. э., что определяется, с одной стороны, временем жизни Витрувия – он современник Цезаря и Августа, с другой стороны, промеры расстояний не могли быть сделаны ранее второй половины I в. до н. э., так как лишь в это время Ольвия вошла в сферу интересов Рима. Ввиду конкретных указаний этой традиции, подтверждающих данные Геродота об Эксампее, не принимаем во внимание поверхностные суждения О. К. Армайора, Д. Фелинга и пр., что известия Геродота о нем недостоверны и фантастичны. Рассмотревший их изыскания об Эксампее В. К. Притчетт справедливо охарактеризовал это как «второсортную ученость» [Pritchett, 1982, p. 245].

⁸⁹ По Витрувию, Эксампей находится в 40 милях от истока Гипаниса, и это сладкое течение реки, а от устья в 160 милях, и это горькое течение, так что в целом длина ее 200 миль (=300 км). По мнению М. В. Агбунова [1985, с. 152-153], Геродотово озеро, из которого течет Гипанис, располагалось в районе Винницы, отсюда до моря ок. 550 км. Отсчитав от Очакова 240 км Витрувия, он поместил Эксампей на Синюхе. Покойный Миша видел несопоставимость цифр 40 и 160 миль и объяснил это «видимо, слабым знанием верховьев» Геродотом. Увы, это «слабый» аргумент: Геродотовы 5 и 4 дня пути показывают, что Эксампей в таком случае должен располагаться примерно посередине 550-километрового Гипаниса. От Винницы до Гайворона ок. 250 км по воде, до Первомайска на Синюхе ок. 350 км. До Очакова остается ок. 200 км, реально это расстояние от Очакова до Александровки, так что сотня км утеряна; при расчете общей длины Гипаниса в 550 км это немало. Но не будем мелочиться, важно другое: расстояния Геродота в 5 и 4 дня плавания своим соотношением примерно *fifty – fifty* резко отлично от цифр 40 и 160 у Витрувия. Явно ошибся Архитектор – у него верхнее течение Гипаниса всего 60 км. Это говорит лишь о том, что в римском картографическом источнике Витрувия расстояние было просчитано (не измерено, см. выше) лишь на 40 миль вверх по реке от Эксампея. М. В. Агбунов же использовал для своего расчета расстояний данные Витрувия и периплов (в части от Очакова до Ольвии). Впрочем, совместив его идею об озере-истоке Гипаниса неподалеку от Винницы с Геродотовым соотношением 5 : 4, можем оказаться примерно в районе Синюхи. Еще раз обратим внимание на то, что ольвийские греки, сообщившие Геродоту сведения о Гипанисе, получили их от обитателей Немировского поселения, т.е. они, бесспорно, точны. Но это не предполагает обязательного размещения Эксампея именно на Синюхе – как сказано, он мог быть в районе Удыча и Соба.

что условия плавания здесь совсем иные, нежели от Александровки до моря⁹⁰. Ввиду изложенного можно заключить, что двести сороковой километр от устья Буга приходится примерно на отрезок Александровка – Первомайск, и это в основном нижнее течение реки, а не среднее, куда приводят Геродотовы 9 дней плавания.

Казалось бы, это заключение дает основание для распространенного в литературе отождествления Эксампея с Синюхой (у впадения ее в Буг стоит Первомайск), однако она крупная река с большими и мелкими притоками, тогда как Геродот и Витрувий определенно пишут о мелком водном источнике: κρήνη первого и fons второго – это «родник, ключ, источник, ручей, криница; водоем», значения «река» словари не дают (напомним, это первое крупное заблуждение исследователей). Следовательно, отождествление Эксампея ни с Синюхой, ни с какой-либо другой рекой невозможно. Это источник или сеть родников, в виде ручья стекающий в приток Гипаниса. Как сказано, этим притоком может быть Соб, Удыч, Синюха или какой-нибудь левый приток поменьше в районе перечисленных рек. Поскольку Витрувий пишет о добыче сандарака как промысле, Эксампей не единичный источник, а родниковая сеть, на это указывает и то обстоятельство, что тем же именем называлась также местность вокруг него в целом.

По общему содержанию заметки о горьком притоке Гипаниса Витрувий следует Геродоту, но с еще одним существенным отличием: Отец истории говорит о девятидневном (5+4) плавании от истоков вниз по Гипанису, Витрувий же оперирует двумя точками отсчета: 40-мильным течением от истока и 160-мильным от устья реки. По отсчету местонахождения Эксампея от устья Гипаниса к Витрувию примыкает Мела (II, 7), тоже сообщающий о море как точке отсчета. В целом и рассказ Мелы выдержан в Геродотовом духе, но локализация Эксампея существенно иная: Гипанис долго течет (в отношении качества воды) таким, как у истока, «однако недалеко от моря (nonlongoamag) он принимает из мелкого источника, именуемого Эксампей, столь горькие воды, что течет отсюда непохожим на себя и не пресным». Эксампей Геродота не может быть расположен «недалеко от моря», ибо, как сказано, 9 дней плавания приводят на среднее течение Буга. Поэтому у Мелы под Эксампеем фигурирует другой горький источник, тоже называемый Эксампеем, он находится гораздо южнее, «недалеко от моря». Локализацию Мелы подтверждает Солин (XIV, 1) – и тем, что горькая вода Гипаниса втекает в море, и тем, что вода горька в низовье реки: его дословное «в конце» (infine) реки указывает на непосредственную близость горького течения к морю. Вот основное содержание текста Солина: в земле

⁹⁰ На среднем течении река мало судоходна: от устья Иквы на севере до устья Синюхи на юге берега ее скалисты, здесь Буг, по словам гидролога Л. К. Давыдова [1955, с. 103], горная река, берега ее высоки, скалистые пороги; такова она до Первомайска и еще ниже до Александровки. Характеристику среднего Буга как горной реки подтверждает ее средневековое название, известное с VI в. н. э., Κοφῆν (Менандр), Κοῦφῆς (Теофан) и *np.*, мы связываем этот гидроним со среднеперс. kōf, парф. kōf «гора», т. е. Κοφῆν, Κοῦφῆς означает «Горная река» (подробно об этом см. [Яйленко, 2015, с. 395] – об этих же наименованиях р. Кубань).

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

авхатов, где берет начало Гипанис, вода чистая и здоровая для питья, когда же он течет по земле каллипидов, вода становится горькой вследствие притока вод источника Эксампея, так что в море Гипанис впадает измененным на вкус; поэтому те, кто живет в верховьях реки, нахваливают ее воду, те же, кто пробовал ее в конце (*infine*) реки, справедливо хулят ее⁹¹.

Таким образом, Эксампей Геродота расположен на среднем течении Буга, примерно в районе Горного Тикича, Эксампей же Мелы и Солина находится многим южнее, на нижнем течении реки, «недалеко от моря». Это означает, что были две родниковые сети, одинаковые или почти одинаковые по имени (назовем их северной и южной). Если южный Эксампей документирован указаниями трех античных авторов, то северный лишь Геродотом, но его свидетельство о 9 днях плавания, приводящих на среднее течение Буга, имеет и другое внутреннее подтверждение – Эксампей находится на границе алазонов и пахарей, а это определено лесостепь и среднее течение Буга⁹².

Обратим внимание, что Геродот, говоря о 4 днях плавания по «горькому» течению Гипаниса, тоже упоминает море (*ἀπὸ δὲ τοῦτου πρὸς θάλασσης* «но отсюда по направлению к морю»), что нелогично, ибо он ведет речь о весьма удаленном от моря верхнем и среднем течениях реки (как сказано, не южнее района Гайворона)⁹³. Вместе с тем есть и другая несообразность исследуемого рассказа Галикарнасца, которая наводит на мысль, вкупе с вышеизложенным о двух Эксампеях, что он, скорее всего, соединил в одно целое информацию о двух разных родниках. Эта несообразность заключается в том, что реально порча воды Буга в верхнем и среднем течении не наблюдается. В гидронимии изменение характера воды в плохую сторону обычно фиксируется названиями пейоративного значения. Современный Буг не исключение, но лишь в его нижнем течении названия левых притоков показывают порчу воды, начиная от Синюхи в районе Первомайска, ее притока Гнилой Тикич, и

⁹¹ Хотя перизгеса Мелы была одним из источников сочинения Солина, в рассказе об Эксампее последний использовал какую-то иную традицию, в которой авхаты помещены в верховьях Гипаниса, Эксампей в земле каллипидов. Сии каллипиды обитали вдоль горного течения Буга (примерно в районе Александровки – Воскресенска) и оттуда на запад до верховьев Тилигула или Куяльника [Яйленко, 2016, глава о Протогеновском декрете, § 2]. Судя по ориентации на места обитания племен, источником Солина было какое-то историко-этнографическое сочинение.

⁹² Только Геродот пишет об Эксампее в связи с алазонами и только Солин увязал их с авхатами и каллипидами. Это ранняя и поздняя традиции. Восточноподольская и киевская группы памятников существуют по IV–III вв. до н. э., вероятно, это рубеж обеих традиций.

⁹³ Нельзя думать, что эта фраза Геродота претерпела рукописную порчу, ибо, во-первых, греческий текст ясный и не дает основания для исправлений (моя ошибка с характеристикой выражения *ἀπὸ δὲ τοῦτου* как неудачного – наглядный тому пример), во-вторых, все рукописи согласно дают текст *ἀπὸ δὲ τοῦτου πρὸς θάλασσης*. По существу выражения *ἀπὸ δὲ τοῦτου* и *πρὸς θάλασσης* альтернативны, они несовместимы – не порождает противоречия или одно или другое. При этом выражение *ἀπὸ δὲ τοῦτου* (*ταύτης*) – излюбленный Геродотом прием отсылки к только что сказанному (IV, 23 *etc.*); обычно и *πρὸς* (*παρα* 'etc.) *θάλασσης* (IV, 12 *etc.*). Поэтому вывод о двух Эксампеях оптимальное решение альтернативы.

особенно от Мертвовода в районе Вознесенска⁹⁴. По этой причине горький источник, если исходить из современных гидрологических и минералогических реалий, мог быть только там, где его поместили Мела и Солин – «недалеко от моря», «в конце» реки, ибо в верхнем и среднем течении Буга его нет (впрочем, как сказано, в V в. до н. э. вода названных рек могла быть чище). Излагая упомянутое естественноисторическое сочинение, Витрувий определенно называет причину горечи воды Эксампея – она полна сандарака, им проникнуты и жилы тамошней земли (сандарак – это красный сернистый мышьяк, реальгар)⁹⁵.

Подытожим проведенный анализ письменных источников. Местность Эксампей Геродота находилась на среднем течении Буга в районе его левых притоков Соб, Синица, Ятрань, в античное время там действовала сеть ключей. Распространенная в литературе идентификация Эксампея с Синюхой невозможна. Две традиции римского времени, использованные Мелой и Солином, сообщают о другом Эксампее, расположенном на нижнем течении Гипаниса. Этой традиции ближе Эксампей Витрувия, находившийся меж Александровкой и Первомайском, вода его содержала красные мышьяковые примеси и была горькой на вкус. Переданная Витрувием традиция (естественноисторическое сочинение второй половины I в. до н. э.) достоверна, так как основана на знании тамошней минералогической реалии – добыче сандарака в той местности, да на расчете расстояний там в милях (переведенных с дней плавания). Это обстоятельство позволяет заключить, что Геродот соединил сообщения своих информантов о двух источниках, северном и южном, под именем Эксампей (либо один Эксампей, другой под близко звучащим названием) в рассказ об одном Эксампее на среднем течении Гипаниса. Следом этого соединения осталась отмеченная нелогичность упоминания моря в рассказе о 4-дневном плавании по верхнему и среднему течениям реки.

Примеров неточного понимания Геродотом полученной в Северном Причерноморье информации немало, ограничимся упоминанием лишь одного, весьма характерного. По его словам, греческой богине земли Гее у скифов соответствует Апис (IV, 59: Γῆ δὲ Ἀπί). Под скифами мы определенно можем понимать иранцев, фракийцев, индоариев, и в языках всех трех народов основа *ар(а) - означает «воду» и «реку»: авест. āpī, иран. ab«вода» (с ним связывал имя Апи М. Фасмер, признав при этом несоответствие значений [Vasmer, 1923, S.11]), фрак. ара «вода, река» (приняв этимологию Фасмера, также с фракийским словом связал имя Апи В. П. Петров [1968, с. 62]), др. инд. āpā«вода». Это означает, что Апи была скифской богиней воды

⁹⁴ К названию Синюха ср. украинское диалектное *синява* «трясина, топь, лужа, стоячая вода», откуда имена нескольких рек Синява, Синявка [Мурзаев, 1984, с. 505]. Один из трех упомянутых «отцов» Синюхи называется Гнилой Тикич. Однако Синюха не единственное название реки – есть и форма Синица, которая не имеет никакого отношения к птице, а дана по синеве воды (такова, к примеру, Синичка – приток Яузы в Москве). Это означает, что и название Синюха дано по синему оттенку воды.

⁹⁵ По этой причине неприемлемо встречающееся в литературе мнение (например [Шилик, 1975, с. 81; Агбунов, 1985, с. 153–154]), что горечь воды Эксампея определялась ее солонатоватостью.

§ 2. Этимология имени Ἐξάμπαῖος

Теперь обратимся к выяснению значения имени Ἐξάμπαῖος, предварительно отметив, что у родников обычно имеются личные имена¹⁰¹. Кратко упомянем имеющиеся попытки толкования (см. также [Народы нашей страны, 1982, с. 281]). Важным подспорьем для этимологизации служат кальки – перевод смысла названия на другой язык. Таковую кальку предоставляет текст Геродота: источник называется «по-скифски Ἐξάμπαῖος, на греческом же языке Траῖ ὁδοί «Священные пути»»¹⁰². Кроме того, его характеристику Эксампея как κρήνη πικρή «горький источник» также можно счесть греческой калькой. Первую кальку пытались расшифровать на иранском материале с участием слов «путь, дорога» К. Мюлленхоф и выдающийся ориенталист Иозеф Маркварт, но их сближения неудовлетворительны. Так, этимология Маркварта (осет. *afsand «священный» (= авест. spənta) + *paṇauō (авест. paṇauō) «путь» [Marquart, 1896, S. 88 f.]) фонетически крайне проблематична [Vasmer, 1923, S. 13, ср. Кулланда, 2016, с. 49, 110]. Сам М. Фасмер солидаризировался с мнением В. Ф. Миллера [1887, с. 132], что имя Ἐξάμπαῖος из иранского необъяснимо. Из предполагаемой греческой кальки κρήνη πικρή «горький источник» исходил О. Н. Трубочев [1999, с. 223], предложивший индоарийскую этимологию: *a-ksama-paia- «непригодная вода» (др. инд. отрицательный префикс a- + ksama- «подходящий, пригодный» + paia «вода») ¹⁰³. По мысли Ю. В. Откупщикова [1988а, с. 35–36], название Ἐξάμπαῖος и личное имя на килике V в. до н. э. из Ольвии Ἰῦδαμπαῖος [Яйленко, 1980, с. 77] содержат греческое отглагольное прилагательное *-παῖος «бьющий», в первом случае с двойным греческим же префиксом -ἐξ-απα- (>ἐξαμ-) «бьющий из-под земли», т. е. источник, ключ¹⁰⁴. Однако Ю. В. Откупщиков, сам того не замечая, объяснил название Ἐξάμπαῖος из греческого языка, тогда как Геродот ясно указал, что оно скифское¹⁰⁵. Таким обра-

¹⁰¹ Так, Павсаний приводит множество названий родников, данных по именами божеств, героев и прочих легендарных персонажей (Асклепия, Деметры, Персея, Амфиарая, Ино, Доркея и пр.), часть которых реальные лица, или по причине своих природных свойств – Капающий с потолка, Лерна (= гладкое место, плешина), Молочная (по цвету воды) и мн. др. (*Paus.* I, 32, 6; I, 34, 4; II, 3, 2; II, 4, 6; II, 11, 16, 6; II, 17, 1; III, 15, 2; III, 21, 8; III, 24, 7; III, 26, 1 *etc.*).

¹⁰² О названии Священные пути см. ниже.

¹⁰³ Критический отзыв Ю. В. Откупщикова [1988а, с. 35] об этой этимологии свелся к отрицанию индоарийской гипотезы в целом, так что никак ее не поколебал.

¹⁰⁴ Эту этимологию можно бы поддержать примером из Плутарха, где глагол παῖω употреблен применительно к морской воде – *Plut.* Rutilius, 15, 5: θάλασσα παῖουσα (*sc. ναῦς*) πρὸς χωρία δούρμα «море прибывает *корабли* к местам без гавани».

¹⁰⁵ Что до созвучия Ἐξάμπαῖος и Ἰῦδαμπαῖος, то оно (прибегну к излюбленному Откупщиковым приему сравнения с русской ономастикой) того же рода, что Пушкин и Душкин (замечательный советский архитектор): кроме possessивного суффикса *-ин* ничего общего в обеих фамилиях нет, созвучие случайно. Дабы у читателя не сложилось мнение о моем критическом отношении к Откупщикову, отмечу, что высокоуважаемый Юрий Владимирович крупный лингвист, особенно в области индоевропеистики и балканско-эгейско-малоазийской ономастики. Сюда он внес большой вклад рядом своих значительных работ, из которых в особенности ценна монография 1988 г. «Догреческий субстрат», охотно цитируемая

зом, интерпретация О. Н. Трубачева пока остается единственно возможной¹⁰⁶.

Тем не менее, исходя из рассмотренных данных об Эксампее, мы полагаем, что это название фракийское по происхождению, на что может указывать расположение источника и соименной местности у земли алазонов и пахарей, как мы выяснили выше, фракийских по этнолингвистической принадлежности народов (см. очерк I). Во всяком случае, на юго-восточном пограничье алазонов и пахарей течет правый приток Синюхи – Ятрань, имя которой надежно фракийское [Трубачев, 1968, с. 208–209; Яйленко, 2013, с. 277–278]. Прямого соответствия имени Ἐξάμπαιος нет ни в греческой ономастике, ни фракийской, ни какой-либо иной, поэтому приходится этимологизировать его парциально, как двухчастное (так И. Маркварт) или трехчастное (так О. Н. Трубачев). Мы обратим внимание на распространенную во фракийской ономастике основу *xanth-, представленную в имени фракийского племени Ἐάνθιοι у Гекагея (*St. Byz.*, s.n.; Ἐάνθιοι – *Strabo*, XIII, 1, 21), которому соответствует название города фракийских киконов Ἐάνθεια (*Strabo*, VII, fr. 43) [Pape, Benseker, 1884, S. 1025–1026; Гиндин, 1981, с. 119–121]. Сам Страбон (XIII, 1, 21) обратил внимание на «многие общие названия у фракийцев и троянцев», в том числе «фракийские ксанфии и река Ἐάνθος в Трое» (по разъяснению Гомера, Ксанф – второе имя реки Скамандр¹⁰⁷). Имя Ἐάνθος было также у города на Лесбосе (*St. Byz.*, s. n.), у реки в Ликии и соименно-

мною тут. Его know how – глубокий и разносторонний морфологический анализ индоевропейской лексики (книга «Из истории индоевропейского словообразования». Л., 1967) и древних имен и названий, который существенно расширяет сопоставительную базу. Мы с ним встречались на лингвистических и исторических конференциях, особенно в 1980-х, поддерживали дружеские отношения, обменивались своими публикациями, которые надписывали любезными благопожеланиями.

¹⁰⁶ Лишь для развлечения читателя приведем экзотические «этимологии» А. К. Фишера и В. И. Петрука. По Фишеру, Эксампей – это венг. szan «небо» (собственно, ход звезд по небу) плюс pálya «путь, дорога» [Fischer, 1917, Bd. 2. S. 38-39], так он пытался приспособиться к скифскому значению «Священный путь». К сожалению, в финно-угорском языкознании венгерский язык излишне удревяется – говорится о правенгерском языке применительно к I тыс. до н. э. и V в. н. э. (например, [Хайду, 1985, с. 196]), хотя реально венгры известны всего лишь с IX в. н. э., а их лексика и ономастика с XI в. Применительно к I тыс. до н. э. можно вести речь лишь об обско-угорском едином языке, из его реконструированной фонетики и надо исходить, при желании объяснять через нее скифскую ономастику (да и то надо иметь в виду, что редкость иранских заимствований в обско-угорском языке не позволяет составить более или менее обоснованное представление о его хронологии). По изложенным причинам этимологизировать скифскую ономастику (а Фишер перелопатил почти всю ее) из венгерского языка то же, что из русского, например: эх, сам пей! (чем не Эксампей?). В. И. Петрук [2005, с. 9] узрел в гр. Ἐξάμπαιος – передачу иран. vazam (приставное v + суфф. ad + основа zam в осет. æzæm «мертвый»), так что Эксампей/пай – это «Мертвовод», а как местность Эксампей означает «Мертвозем»; но это еще и название котла Арианта в Эксампее в сопоставлении с котлом нартов Вадзамакат (*Æдзæмагуат*) – котел на 600 жбанов. Если учесть, что вся эта ахинея обильно уснащена апелляциями к современной украинской «самостийности», – например, скифский квадрат Геродота указывает на историческую правомерность современных границ Украины (будто Петрук не знает, что они установлены немцами по Брестскому договору 1918 г. за счет включения Новороссии и Слобожанщины, которые увеличили территорию собственно Украины – Малороссии – втрое), то это продукция, характерная для части современной украинской науки, пораженной «западеническим» национализмом. К счастью, это меньшая часть украинской науки.

¹⁰⁷ II. XX, 74: «Ксанфом зовут реку боги, а люди Скамандром».

го города на ней; напомним читателю о широкой колонизации фракийцами не только Трояды, но также Мисии в целом и сопредельных территорий (см. выше, § II, 2 – об амазонках), что оправдывает интерпретацию названий Ξάνθος на западе Малой Азии как фракийских¹⁰⁸. Для нас ценно указание Страбона (XIV, 3, 6), что река Ксанф в Ликии «ранее называлась Σίρβις». Более точную форму последнего дал эпический поэт V в. до н. э. Паниасис из Галикарнасса (у Стефана Византийца, *s. n.* Τρεμίλη) – Σίβρος [Pape, Benseler, 1884, S. 1026], которую сопоставляют с др. инд. *subhṛá* «блестящий, сверкающий; светлый, белый», армян. *surb* «чистый, светлый», хетт. *šurri* «чистый, ритуально чистый, священный» [Kretschmer, 1939, S. 287f.; Гиндин, 1981, с. 121]. П. Кречмер с опорой на указания схолиастов к стиху XII, 313 Илиады, что Сирбис – «нынешнее» (*vñv*) и «позднейшее» (*ἰστέρον*) относительно Ксанфа имя реки, усмотрел в Σίβρος ликийскую кальку фрако-фригийско-армянского имени Ξάνθος¹⁰⁹. Нам достаточно заключить отсюда, что фракийская основа *ξάνθ- имеет те же значения, что и указанные древнеиндийское, хеттское, армянское соответствия – «блестящий, сверкающий; светлый, белый, чистый»; это подтверждается и эпитетом реки Ксанф в Илиаде (XXI, 130 и др.) ἀργυροδίνης «с серебристой водой», а у Паниасиса ἀργύρεος «серебряный» [Гиндин, 1981, с. 121-122]. Возможно, во фрак. *xanth- и развитие значений «чистый» > «священный», как в хетт. *šurri* (см. ниже). Исходя из этого, усматриваем в названии Ἐξάμπαῖος фракийскую основу *a-xanth->e-xamp-«несветлый». В целом название прошло следующее развитие: *a-xantho-pai->e-xanth-pai->e-xam-pai-. Поясним фонетические звенья этого процесса: 1) a>e; 2) xantho-pai->xanth-pai-; 3) xanth-pai->xam-pai-.

1) Во фракийской топонимике отрицательный префикс a(n)- «не» представлен именем реки в Акарнании Ἄν-απ-ος «безводный»¹¹⁰. Альтернатива *a-e* свойственна фракийскому языку, часто в начале слова: Νάστος, Νέστος (город и река Фракии), этноним Δανθηλήται, Δενθηλήται, теоним Σαβάδιος, Σεβάδιος и пр. [Poghirc, 1961, p. 33-37; Откупщиков, 1988, с. 124-125]. 2) Основа xanth- оформлена суффиксом *-pai-*, разновидностью суффикса *-p(o)-*; к примеру, суффикс *-p(o)-* представлен в теониме Πρία-πο-ς, его разновидность *-pai-* наличествует в производном от теонима названии вифинского месяца Πριεπαῖος и эпитете Аполлона Πριεπαῖος¹¹¹. Этот суффикс присо-

¹⁰⁸ [Гиндин, 1981, с. 120-122]. О соотношении этих названий с гр. ξανθός «золотистый, рыжий» см. в конце этого очерка.

¹⁰⁹ Малосущественны возражения Л. А. Гиндина [1981, с. 121], который считал, что Ксанф было древнейшим названием.

¹¹⁰ Это приток Ахелоя (*Thuc.* II, 82). В балканско-эгейско-анатолийском ареале есть группа названий с префиксальным *a-*: Ἀφареύς – эпоним мессенского города Φαραί, карийский город Ἄθουμβρα лежит на реке Θύμβρος и пр. [Гиндин, 1967, с. 86; Откупщиков, 1988, с. 10]. В каких-то из них может заключаться отрицательный префикс *-a*. Названия с отрицательным префиксом обычны в гидронимии, к примеру, особенно много их на северо-западе России – Немда, Неруса, Нерехта и пр. [Фасмер, 1971, с. 62, 65, 66].

¹¹¹ [Pape, Benseler, 1884, S. 1253-1254]. См. об этом суффиксе во фракийском и палеобалканском [Откупщиков, 1988, с. 91, 133]. Приап по происхождению вифинский, т. е. в конечном счете фракийский божок, отсюда тесная ассоциация его с Дионисом (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 1253]). «Приапи-

название одно и то же – «несветлые воды»? Вопрос тем более закономерен, что Ἱραὶ ὁδοὶ «Священные пути» все-таки определенная калька имени Ἐξαιταῖος, в чем убеждает способ выражения Геродота: «Имя его и той местности, где течет, по-скифски Ἐξαιταῖος, на греческом же языке Ἱραὶ ὁδοί». Наша этимология, и это несомненный ее плюс, предоставляет возможность решить этот непростой вопрос, причем исключительно в свете нашего вывода о двух Эксампеях.

Начнем с того, что эпитет «священный» вполне приложим к родникам: источники с плохой водой нечасты, в целом родник для людей – великое благо, он поит и местного жителя и путника, часто ключевая вода целебна (у Павсания немало таких примеров – VII, 27, 11 и мн. др.), поэтому к нему теплое отношение. Поэтичную хвалу источнику в Адыгее пропела уже упоминавшаяся (выше, §II, 2) героиня кабардинского нартовского эпоса Малечипх: «Ой, родник изумрудный, / чье кремнистое русло / плещет чудным узором, / ты подспудной струею / пробиваешься к свету, / будишь эхо в ущелье, / будишь в сердце веселье, / ожерельем сверкаешь / и свирелью звенишь ты! / В летний зной ты прохладен, / в зимний холод отраден; / каждый едущий мимо, / жгучей жаждой томимый, / летним зноем палимый / пусть родник прославляет» [Нарты, 1957, с. 300-301]¹¹⁶. Родники и деревья при них были объектами культа (у Павсания сотня примеров¹¹⁷), поэтому порой они назывались «свя-

¹¹⁶ Последую призыву Малечипх и припомню два «своих» родника. В детстве и юности я почти каждый год бывал у бабушки и дедушки по матери в селе Чердаклы (примерно 20 км от Мариуполя), дом стоял на высоком берегу реки Кальчик. На другом берегу среди асфоделей бил ключ с прохладной, чистой и вкусной водой; хотя неподалеку был колодец и тоже с хорошей водой, я часто переходил по броду на другой берег за ключевой водой. Второй ключ в Крыму. Обучаясь на кафедре истории зарубежного искусства истфака МГУ, я, как и мои товарищи, находился под сильным влиянием обаятельной личности Виктора Никитича Лазарева, крупнейшего специалиста по итальянскому Возрождению, византийскому и древнерусскому искусству. Я писал под его руководством дипломную работу о церкви Иоанна Предтечи в Керчи и ее месте в средневизантийской архитектуре. Отсюда по окончании вуза мой интерес к средневековым церквям Крыма и фресковым росписям – я объехал и обошел пешком все эти памятники. Как-то из Бахчисарая пошел пешком к одному из пещерных монастырей с росписями, забыв, что никакого магазина или точки общепита по пути не будет. Проголодавшись после 2-3 часов ходьбы, нашел в рюкзаке краюху хлеба, но без воды она в рот не лезла. И вдруг тропинка приводит к прохладному источнику, – а день был жаркий даже в тени деревьев. Я набрал воды и умял с нею краюху. Ничего более вкусного ни до, ни после не ел. Было это почти полвека назад, а до сих пор ощущаю вкус той самой приятной трапезы. Трижды прав мой любимый поэт Велемир Хлебников: «Мне много ль надо – краюха хлеба / да капля молока, / а солью будет небо / и эти облака». У него это не красное словцо, а повседневная обыденность, он не имел не то что своей квартиры, даже хоть какого-то постоянного жилья, даже регулярного заработка и пропитания. Он гений, всецело посвятивший свою жизнь творчеству, вовсе не обращавший внимания на быт. И Виктор Никитич Лазарев, ученый с мировым именем, жил просто, и я, скромный выученик Лазарева да почитатель Хлебникова, довольствуюсь по жизни малым (но не в науке), потому и запомнил навсегда тот ключ да ломоть хлеба.

¹¹⁷ Приведем пару примеров: близ Пеллены в Ахайе есть святилище Деметры с рощей и обильными водой ключами (VII, 27, 9); другой пример связан с основанием Новой Смирны (VII, 5, 2): в этой местности охотился Александр Великий, набредший на святилище Немезид с источником и платаном; царь

с. 103–108]¹²¹. Слово же ὁδοί «пути, дороги» в кальке Ἱραί ὁδοί, полагаем, возникло следующим образом. Наряду с *ара во фракийском для обозначения «воды» употреблялось также *odā- (*udō-)¹²², так что в названии источника *εχαμραι- odai- (в два слова, тут -ραι- суффикс) «священные воды» ~ «священные родники» первое слово переведено греческим ἱεραί, второе по созвучию принято за ὁδοί. Так из названия источника *εχαμραι- odai «светлые воды» > «священные воды» ~ «священные ключи» образована греческая полукалька Ἱραί ὁδοί «священные пути».

Таким образом, в Побужье были две родниковые сети с похожими по звучанию названиями, но разными по значению: *εχαμραι «несветлые воды» и *εχαμραι odai «светлые / священные воды / родники». Первый, как мы выяснили, располагался на нижнем течении Буга, он и был горьким источником, второй находился на среднем его течении, он считался священным родником, тут было святилище скифов. Поскольку обе родниковые сети располагались на левобережье Гипаниса и названия их звучали сходно, Геродот (или его информант) принял их за один источник. Об этом свидетельствует и то, что в двух местах его труда, где шла речь об Эксампее, содержание рассказов указывает на разные родниковые сети: в § IV, 52 он говорит о горьком источнике, а в § IV, 81 – об источнике со святилищем. Если вместе с Геродотом принимать их за один и тот же родник, то окажется, что святилище было при горьком источнике, что нонсенс, ибо почитались родники с качественной водой, собственно, это и было причиной их почитания.

Итак, Эксампей скифское святилище. Ариант правил в первой половине V в. царскими скифами и это их святилище, ибо домен царских скифов – Нижнее Поднепровье и степной Крым [Рыбаков, 1979, с. 114–115; Яйленко, 2013, с. 166–167, 195-196]¹²³. Царские скифы, по-видимому, в основе своей иранцы, но поскольку название Эксампей, как сказано, не имеет хорошей иранской этимологии, оно туземное: царские скифы кочевники и позаимствовали название святилища у предшествующего киммерийского (индоарийского) или фракийского населения.

¹²¹ Возможно, сюда относится и лат. sanctus «священный, святой» (с меной *ksa-sak*). Происхождение лат. sanctus (с назализованным инфиксом *-n-* к *sacer* «священный») неясно [Ernout, Meillet, 1951, p. 1033]. Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов [1984, с. 801] на основе хетт. *šaklai-* «обряд» и лат. *sacer* восстановили индоевр. **sak*^[h]- «священный», «освящать». Если лат. *sacer*, *sanctus* действительно принадлежат им, исходная индоевропейская форма *(k)sak-.

¹²² Во фракийских названиях Ὀδη-σσός (совр. Варна), Σαλμ-Ὀδη-σσός (побережье, река, город) [Георгиев, 1958, с. 136; 1977, с. 38, 162; Дуриданов, 1976, с. 118].

¹²³ [Рыбаков, 1979, с. 114-115; Скифия, с. 166-167, 195-196]. Ариант упоминается только тут, его нет в Геродотовом родословии царских скифов (IV, 76-80), литературу о котором см. [Народы нашей страны, 1982, с. 316-317]. Древнейший царь Спаргапиф, его сын Лик, его сын Гнур, его сыновья-цари Анахарсис, Савлий, сын последнего Иданфирс, далее следует временной перерыв, после которого царствует Арипиф, затем его сыновья Скил, Октамасад. Судя по датировке ольвийского гимна Гилее третьей четвертью VI в. до н. э., в котором подразумевается вторжение скифов Савлия в Гилею для захвата Анахарсиса (см. об этом [Яйленко, 2015а]), это время правления Анахарсиса и Савлия. Иданфирс правил во время нашествия Дария на Скифию ок. 512 г. Далее следует цезура, а правления Арипифа, Скила, Октамасада приходятся на середину V в. до н. э. В перерыв, приходящийся на первую половину V в.,

присутствие фрак. *xanth- «рыжий *etc.*» в названии Ἐξαίματος, как сказано, связанном с залежами сандарака, красного сернистого мышьяка, соответствует красному цвету этого вещества и, надо полагать, воды источника. При таком объяснении имя Ἐξαίματος означает «красный, красная вода»¹²⁵. Достоинство такой интерпретации – соответствие реалии, цвету сандарака, недостаток – в несоответствии греческой кальке или полукальке этого топонима Ἱεραὶ ὁδοὶ «Священные пути».

Завершим наш очерк примечательной заметкой Павсания (IV, 35, 11): «Те источники, которые представляют что-либо удивительное или оригинальное, я сам посетил и видел своими собственными глазами, источники же менее интересные, хотя я их тоже знаю, сознательно опускаю: найти воду соленую или кислую не такое уж большое чудо. Но я считаю нужным упомянуть два источника совершенно различного свойства; один из них течет в Карию по равнине «Белой» мимо деревни, которую называют Даскиловой; вода его теплая, а для питья она слаще молока. А из рассказа Геродота я знаю, что в реку Гипанис впадает источник горькой воды. И как нам не признать, что в своем рассказе он говорит правду, если и в наше время в Дикеархии, Тирренской области, находится горячий источник, настолько кислый, что свинцовые трубы, – а он протекает по свинцовым трубам, – разъедаются им в течение нескольких лет» (пер. С. П. Кондратьева). Итак, согласно Павсанию, горький ключ редкость, можно сказать, Эксампей уникален своей водой, потому-то он и привлекал внимание античных авторов. Впрочем, нечто подобное Павсаний (V, 5, 5–10) рассказывал и о речке Анигр в Элиде, используя в числе прочего сведения Страбона (VIII, 3, 19): источник близ пещеры нимф Анигриад образует топкое болото, из которого вытекает медленно текущая речушка Анигр, тоже завершающаяся у моря болотом, вся вода с самого начала течения отличается дурным запахом, причиной чего были почвы. В Анигр впадает речушка Акидант с нормальной водой и съедобной рыбой, но попавшую оттуда в Анигр рыбу не едят. Дурные свойства речной воды местные жители объяснили мифологически: кентавр Хирон тут-де омыл свою рану от яда Гидры на стреле Геракла (оба историка передают и другие легенды).

брякову, который рекомендовал ее ему), но по скромности он велел удалить те слова признательности из книги. Хоть сейчас, по прошествии четверти века, восполню свой долг, помянув добрым словом незабвенного Олега Константиновича.

¹²⁵ Бывают и родники с красной водой. К примеру, источник с красноватой водой и дурным запахом был в Озольской Локриде близ Халкидона и эпирского Калидона. Реальная причина таких качеств его воды неизвестна, народная же молва объяснила их по-своему, назвав холм, у подножия которого струится ключ, Ταφιασβός «Могильный»: вода такова-де потому, что тут погребены Несс да другие кентавры, их кровь и сочится на поверхность. По этому источнику западные локры получили наименование Озольских (Ὀζόλαι) – от слова ὀζειν «издавать запах, пахнуть» (*Strabo*, IX, 4, 8), что, разумеется, относится не к самим локрам, а к свойствам их земли и воды.

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 655 с.; Т. 2. Л. : Наука, 1973. 448 с. ; Т. 4. Л. : Наука, 1989. 325 с.
- Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / ред. В. И. Абаев и др. М. : Наука, 1979. С. 272–364.
- Абаев В.И.* Избранные труды. Владикавказ : Изд-во Ир, 1990. Т. 1. 439 с.
- Абрамова М.П.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время/ отв. ред. А. И. Мелюкова. М. : Наука, 1989. С. 268–281.
- Агбунов М.В.* Загадки Понта Эвксинского. М. : Мысль, 1985. 159 с.
- Агбунов М.В.* Античная география Черного моря. М. : Мысль, 1987. 155 с.
- Агбунов М.В.* Античная география Северного Причерноморья. М. : Мысль, 1992. 236 с.
- Акопян А.А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1987. 302 с.
- Булах А.М.* Социальный статус женщины в традиционном обществе осетин и их предков : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005. 26 с.
- Бухарин М.Д.* Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции // Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Вигасин А. А. / Индия и античный мир. М. : Восточная литература, 2002. С. 138–191.
- Вахтина М.Ю.* Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археология. 1996. № 4. С. 85–93.
- Вахтина М.Ю.* Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. 1998. Т. 6. С. 122–139.
- Вахтина М.Ю.* Греческая столовая керамика VI в. до н. э. из раскопок Немировского городища в Побужье // ΣΥΣΣΙΤΙΑ / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб. : Алетейя, 2000. С. 209–217.
- Вахтина М.Ю., Каишуба М.Т.* Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры греческой колонизации Северного Причерноморья в свете изучения материалов Немировского городища // БФ. 2013. С. 371–378.
- Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный : Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1972. 389 с.
- Виноградов В.Б.* Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов н/Д. 1975. № 4. С. 36–43.
- Волкова Н.Г.* О названиях азербайджанцев на Кавказе // Ономастика Востока / ред. Э. М. Мурзаев и др. М.: Главная редакция восточной лит-ры, 1980. С. 208–210.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тб. : Изд-во Тбилисского университета, 1984. Т. 1. 429 с. 1984. Т. 2. С. 469–1329.
- Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. 314 с.
- Георгиев В.* Траките и техният език. София : Издателство на Българската Академия на науките, 1977. 345 с.
- Гиндин Л.А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М. : Наука, 1967. 197 с.
- Гиндин Л.А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София: Издательство Болгарской академии наук, 1981. 238 с.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М. : Восточная литература РАН, 1996. 328 с.
- Давыдов Л.К.* Гидрография СССР. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. Т. 2. 600 с.
- Дементер Н.Г.* Этнонимия цыган Европейской части СССР // Этническая ономастика / отв. ред. Р.Ш. Джарьгашинова, В. А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 28–35.
- Джаукян Г.Б.* Фракийцы в Армении // Античная балканистика. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1984. С. 11–12.
- Дуриданов И.* Езикт на траките. София: Наука и изкуство, 1976. 166 с.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

- Ельницкий Л.А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск : Наука, 1977. 255 с.
- Етим. словарь.* Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / відповід. ред. О. С. Стрижак. К. : Наукова думка, 1985. 253 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник / ред. А. А. Зализняк и др. М. : Наука, 1976. С. 3–39.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М. : Наука, 1974. 341 с.
- Извори на историята Тракия и траките* / ред. З. Гочева и др. София: Българската Академия на науките, 1981. Т. 1. 326 с.
- Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. М. : Наука, 1971. [Т. 1]. 369 с.
- Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. Т. 3. 348 с.
- Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. М. : Наука, 1986. 208 с.
- Косвен М.О.* Матриархат. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 329 с.
- Косян А.В.* Лувийцы, фригийцы, мушки // История и языки Древнего Востока / ред. В. А. Лившиц и др. СПб. : Orientalia, 2002. С. 187–196.
- Котина А.В.* К вопросу о значении термина «амазонка» // БФ. 2011. С. 646–649.
- Котина А.В.* Миф об амазонках и его развитие в античной традиции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород: Ун-т, 2012. 28 с.
- Кузнецов В.А.* Наргский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1980. 135 с.
- Кулланда С.В.* Скифы: язык и этногенез. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 215 с.
- Лаптева М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н. э. СПб. : Гуманитарная академия, 2009. 509 с.
- Лескинен А.Н.* Из этнонимии вьетов // Этническая ономастика / отв. ред. Р. Ш. Джарылгашинова, В.А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 18–23.
- Львов А.С.* Из лексикологических наблюдений // Этимология 1965 / ред. Ж. Ж. Варбот и др. М. , 1967. С. 189–195.
- Марковин В.И.* Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА. 1965. № 2.С. 160–173.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1996. 340 с.
- Масенко Л.Т.* Річкові назви басейну Інгулу на тлі гідронімії Південної України // Питання ономастики Південної України / Відповід. ред. К. К. Цілуйко. К. : Наукова думка, 1974. С. 96–102.
- Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. 461 с.
- Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тб. : АН Груз. ССР, 1959. 510 с.
- Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л. : Наука, 1979. 265 с.
- Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. М. : Московский ун-т, 1887. Ч. 3. 216 с.
- Младенов М.* Названия Янтра и Егър // Български език. 1968. Т. 18. № 4/5. С. 436–437.
- Моисеева Т.А.* Царская власть у фригийцев // ВДИ. 1982. № 1. С. 119–129.
- Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984. 653 с.
- Народы нашей страны в «Истории» Геродота / отв. ред. В. Т. Пашуто. М. : Наука, 1982. 453 с.
- Нарты. Кабардинский эпос. М. : Детская литература, 1957. 383 с.
- Нарты. Эпос осетинского народа / отв. ред. В. И. Абаев. М. : Изд-во АН СССР, 1957а. 399 с.
- Невская Л.Г.* Балтийская географическая терминология. М. : Наука, 1977. 227 с.
- Нерознак В.П.* Фракийские реликты в балканских языках // Балканское языкознание (Ученые записки Ленингр. ун-та, № 343 = серия филологич. наук, вып. 73). С. 80–88.
- Нерознак В.П.* Палеобалканские языки. М. : Наука, 1978. 230 с.
- Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М. : Мысль, 1966. 509 с.
- Никонов В.А.* Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика / отв. ред. Р. Ш. Джарылгашинова, В. А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 44–69.
- Откупщиков Ю.В.* Догреческий субстрат. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 261 с.

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

- Откупщиков Ю.В.* Ἐξαιτίας и Ἰνδαίταις // Международный симпозиум «Античная балканистика 6». Этногенез народов Восточной Европы... Тезисы докладов. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1988а. С. 35–37.
- Павсаний.* Описание Эллады. Перевод С. П. Кондратьева. М. – Л.: Искусство, 1940. Т. 2. 591 с.
- Петров В.П.* Скифы. Мова і етнос. К. : Наукова думка, 1968. 148 с.
- Петрук В.І.* Скіфський сакральний центр Ексампай в контексті культурної спадщини України: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук.. К. : Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка, 2005.
- Петрук В.І.* Ексампей – сакральний центр Великої Скіфії // Историчний журнал. 2005а. № 3. С. 110–116.
- Подосинов А.В.* К вопросу об истоках Танаиса в представлениях античных географов // Боспорские исследования / отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Центр археол. исследований, 2015. Вып. 31. С. 315–324.
- Попов А.И.* Названия народов СССР. Л. : Наука, 1973. 167 с.
- Прокош Э.* Сравнительная грамматика германских языков. М. : Иностранная литература, 1954. 376 с.
- Пропт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 365 с.
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб. : Академия наук, 1893. Т. 1. 1914 с.
- Редер Д.Г.* Восточные тексты // ВДИ. 1947. № 1. С. 263–279.
- Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М. : Наука, 1979. 246 с.
- Сазанов А.В.* К изучению теонимии Боспорского царства // Этническая ономастика / отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 157–163.
- Сказания о нартах. Осетинский эпос / [ред.] Б. А. Калоев. Цхинвали: Ирystone, 1981. 399 с.
- Скрипник Т.А.* Амазонки в античной традиции // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д. 1988. Вып. 5. С. 29–39.
- Словарь РЯ, 1990. Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. Г. Я. Романова. М. : Наука, 1990. Вып. 16. 294 с.
- Таронян Г.А.* Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). Подбор текстов, перевод с древнегреческого и латинского, примечания и аннотированный указатель Г. А. Тароняна. М. : Ладомир, 2007. 639 с.
- Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика. Пг. : 2-я Гос. тип., 1918. 162 с.
- Топоров В.Н.* К древнебалканским связям в области языка и мифологии // Балканский лингвистический сборник / ред. А. А. Зализняк и др. М. : Наука, 1977. С. 40–58.
- Топоров В.Н.* Др. -греч. Σλάβρτη и фрак. spart- // Симпозиум Античная балканистика. Предварительные материалы, тезисы докладов. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, М., 1980. С. 55–59.
- Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре кавказской Албании. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 390 с.
- Тресиддер Дж.* Словарь символов. М. : Гранд, 1999. 444 с.
- Трубачев О.Н.* Названия рек правобережной Украины. М. : Наука, 1968. 289 с.
- Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М. : Наука, 1999. 319 с.
- Туголуков В.А.* Тунгусы и ламуты на северо-востоке Сибири // Этническая ономастика / отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 35–38.
- Тюхтина А.В.* (Котина). Верховное женское божество амазонок в мифологической традиции // Классическая и византийская традиция / отв. ред. Н. Н. Болгов. Белгород: Гос. ун-т, 2008. С. 147–149.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1964. Т. 1. 562 с. Т. 2. 1967. 671 с. Т. 3. 1971. 827 с.
- Хазанов А.М.* Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 138–148.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М. : Прогресс, 1985. 426 с.
- Членов М.А.* К этимологии этнонима даяк // Ономастика Востока / ред. Э. М. Мурзаев и др. М. : Главная редакция восточной лит-ры, 1980. С. 238–241.
- Шaub И.Ю.* Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 79–88.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

- Шестаков С.П.* Киклические поэмы и гомеровские гимны // История греческой литературы / ред. С.И. Соболевский и др. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1946. Т. 1. С. 153–163.
- Шестеркина Н.В.* Соотношение концептов «светлый» – «святой» в русском языке // *Lingua mobilis*. 2010. № 3 (22). С. 103–108.
- Шилик К.К.* Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике на Гипанисе // Проблемы античной истории и культуры / ред. Б. Б. Пиотровский и др. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. Т. 2. С. 450–456.
- Эмбаторион. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории. Семидесятилетие профессора В. П. Яйленко посвящается / факультет искусств МГУ. М. : МЦНМО [МГУ], 2011. 391 с.
- Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 75–116.
- Яйленко В.П.* К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 54–65.
- Яйленко В.П.* Локализация и происхождение каллипидов-миксэллинов // Тезисы докладов конференции «Проблеми історії та археології стародавнього населення УРСР». К., 1989.
- Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 269 с.
- Яйленко В.П.* Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М. : Гриф, 2010. 737 с.
- Яйленко В.П.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М., 2013. 345 с.
- Яйленко В.П.* Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Северного Причерноморья (Сарматии и Скифии) // ДБ.2014. Т. 18. С. 478–522.
- Яйленко В.П.* Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 2015. Т. 19. С. 386–458.
- Яйленко В.П.* Ольвийский гимн VI в. до н. э. // Боспорские исследования / отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Центр археол. исследований, 2015а. Т. 31. С. 88–99.
- Яйленко В.П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб., 2016 (в печати).
- Янко М.Т.* Топонімічний словник-довідник Української РСР. К. : Радянська школа, 1973. 179 с.
- Arena R.* Iscrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia. Pisa: Nistri Lischi, 1994. Vol. 3. 136 p.
- Boardman J.* Early Chryse Pottery on Black Sea Sites? // *Oxford Journal of Archaeology*. Vol. X, 3. P. 387–390.
- Braund D.* Dio Chrysostom, Olbian Trade and Olbia's Tauroscythian War // *Археологія*. 1991, № 3, p. 25–30.
- Bredow I.* Die thrakische Namen bei Homer // *Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica* / ed. C. Jordanov. Trinovi: Софийския университет и др., 1986. Vol. 1. S. 133–186.
- Buck, 1968.* Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago: The University of Chicago Press, 1968. 374 p.
- Cavaignac E.* Hépat de Comana et les Amazones // *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*. 1950. Bd. I, Hft. 1. P. 38–47.
- Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris : Klincksieck, 1968. Т. 1. P. 1–305. Т. 2. 1970. P. 307–607. Т. 3. 1974. P. 610–962.
- Christ W.* Geschichte der griechischen Litteratur. München: Beck, 1890. 769 S.
- Detschew D.* Die trakische Sprachreste. Wien: Kommission bei R. M. Rohrer, 1957. 584 S.
- Duridanov I.* Thrakisch-dakische Studien. I. Sofia: Bulgarische Akademie der Wiss., 1969. (LB. Т. XIII, 2). 103 S.
- Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris : Klincksieck, 1951. Т. 2. P. 668–1385.
- Fischer A. K.* Erklärung der skythisch-sarmatischen Namen und Wörter aus der ungarischen Sprache. B. : Druck von W. Schulze, 1917. Bd. 2. 162 S.
- Fleischer R. H.* Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien. Leiden: Brill, 1973. 449 S.

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

- Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Winter, 1954/65. Bd. 1. S. 1–384. Bd. 2. 1965–1970. S. 385–1154.
- Gruppe O.* Griechische Mythologie und Religionswissenschaft. München: Beck, 1906. Bd. 1-2 (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. V, 2).
- Güterbock H. G.* (Review): Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1950/51. Bd. I, Hft. 1 // *Oriens*. 1952. Vol. V, 2. P. 347.
- Haas O.* Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia : Издательството на БАН, 1966 (LB. T. X). 260 S.
- Haas V.* Medea und Jason im Lichte hethitischer Quellen // *Acta antiqua*. 1978. T. 26. S. 241–259.
- Hansen B.* Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin: Akademie-Verlag, 1958. 321 S.
- Jokl N.* Thraker // *Reallexikon der Vorgeschichte*. B., De Gruyter, 1929. Bd. 13. S. 278–298.
- Kretschmer P.* Die Stellung der lykischen Sprache. I // *Glotta*. 1939. Bd. 27. S. 104 f.
- Leonhard W.* Hettiter und Amazonen. B.; Lpz., 1911 (non vidi).
- Lexicon iconographicum mythologiae classicae.* Zürich, München: Artemis. 1981. Vol. I, 2. 881 p.
- Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Iran II. // *Philologus*. 1896. Bd. 55. S. 212–240.
- Mayor A.* The Amazons. Princeton: University Press, 2014. 536 p.
- Meuli K.* Odyssee und Argonautika. B. : Weidmann, 1921. 142 S.
- Pape W., Benseler G. E.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig: Verlag von F. Bieweg, 1884. Bd. 1-2. 1710 S. (Пагинация сплошная).
- Plutarchus.* *Moralia*. Ediderunt M. Polenz, W. Sieveking. Lpz: Teubner, 1972. Vol. 3. 542 p.
- Poghirc C.* La valeur phonétique de l'oscillation graphique thrace a/e à la lumière des données des langues balkaniques modernes // *Studii clasice*. București. 1961. T. 3. P. 33–37.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verlag, 1959. Bd. 1. 1183 S.
- Pritchett W. K.* *Studies in Ancient Greek Topography*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1982. Pt. 4. 285 p.
- Probonas J. K.* Protogrecs en Thrace // *Pulpudeva* / ed. I. Venedikov et alii. Sofia: Academie bulgare des sciences, 1976. T. 1. P. 213–217.
- Robert C.* Die griechischen Heldensagen. B., Weidmann, 1921 (In: *Preller L.* Griechische Mythologie. Bd. III. Buch 3. Abt. 1. Die Argonauten, S. 757–968).
- Shapiro H. A.* Amazons, Thracians, and Scythians // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1983. P. 105–114.
- Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius: Mosklas, 1981. 408 p.
- Vasmer M.* Die Iranier im Südrussland. Lpz., Markert und Petters, 1923. 79 S.
- Vlahov K.* Der Grad des Einflusses der griechischen Sprache auf die Thrakische // *LB*, 1972. T. XVI, 1, pp. 15–37.
- Werner J.* Das "Kolchische" und das Thrakische // *Klio*. 1981. Bd. 63. S. 263–280.

REFERENCES

- Abaev V. I. (Ed.). Narty. Epos osetinskogo naroda.* Moskva, Akademia nauk Publ., 1957a, 399 p.
- Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iasyka.* Moskva, Akademia nauk SSSR Publ., 1958, T. 1, 655 p.; T. 2, Leningrad, Nauka Publ., 1973, 448 p.; T. 4, 1989, 325 p.
- Abaev V. I. Skifo-sarmatskie narechia.* Abaev V. I. (Ed.). *Osnovy iranskogo iazykoznanija. Drevneiranskije iazyki.* Moskva, Nauka Publ., 1974, pp. 272–364.
- Abaev V. I. Izbrannye trudy.* Vladikavkaz, Ir Publ., 1990, T. 1, 439 p.
- Abramova M.P. Tsentral'nyi Kavkaz v sarmatskuiu epokhu.* *Meliukova A. I. (Ed.). Stepi Evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia.* Moskva, Nauka Publ., pp. 268–281.
- Aggunov M. V. Zagadki Ponta Evksinskogo.* Moskva, Mysl' Publ., 1985, 159 p.
- Aggunov M. V. Antichnaia lozia Chernogo moria.* Moskva, Mysl' Publ., 1987, 155 p.
- Aggunov M. V. Antichnaia geografia Severnogo Prichernomoria.* Moskva, Mysl' Publ., 1992, 236 p.
- Akopian A.A. Albania-Aluank v greko-latinskikh i drevnearmianskikh istochnikakh.* Erevan, Akademia nauk Arm. SSR Publ., 1987, 302 p.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

- Arena R. *Iscrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia*. Pisa, Nistri Lischi, 1994, Vol. 3, 136 p.
- Boardman J. Early Greek Pottery on Black Sea Sites? *Oxford Journal of Archaeology*, Vol. X, 3, pp. 387–390.
- Braund D. Dio Chrysostom, Olbian Trade and Olbia's Tauroscythian War // *Археология*, 1991, № 3, pp. 25–30.
- Bredow I. Die thrakische Namen bei Homer // *Jordanov C. (Ed.). Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica*. Trnovi: Sofiiska univ. Publ., 1986, Vol. 1, S. 133–186.
- Buck C. D. *The Greek Dialects*. Chicago: Univ. Press, 1968, 374 p.
- Bukharin M. D. Indiiskie pokhody Dionisa i Gerakla v anticnoi literaturnoi traditsii // *Bongard-Levin G. M., Bukharin M. D., Vigin A. A. India i antichnyi mir*. Moskva, Vostochnaia literatura Publ., 2002, pp. 138–191.
- Bulakh A. M. *Sotsial'nyi status zhenschiny v traditsionnom obschestve osetin i ikh predkov*. Abstrakt of kandidat. diss. Vladikavkaz, 2005. 26 p.
- Cavaignac E. Hépat de Comana et les Amazones. *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*, 1950, Bd. I, Hft. 1, pp. 38–47.
- Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, Klincksieck, 1968, T. 1, pp. 1–305; T. 2, 1970, pp. 307–607; T. 3, 1974, pp. 610–962.
- Chlenov M. A. K etimologii etnonima dajak. *Murzaev E. M. (Ed.). Onomastika Vostoka*. Moskva, Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1980, pp. 238–241.
- Christ W. *Geschichte der griechischen Litteratur*. München, Beck, 1890, 769 S.
- Detschew D. *Die trakische Sprachreste*. Wien, Kommission bei R. M. Rohrer, 1957, 584 S.
- Duridanov I. *Thrakisch-dakische Studien. I*. Sofia, Bulgarische Akademie der Wiss., 1969 (LB. T. XIII, 2), 103 S.
- Davydov L. K. *Gidrografia SSSR*. Leningrad, Univ. Publ., 1955, T. 2, 600 p.
- Demeter N. G. Etonimia tsigan Evropeiskoi chasti SSSR. *Djarylgasina R. Sh., Nikonov V. A. (Edd.). Etnicheskaia onomastika*. Moskva, Nauka Publ., 1984, pp. 28–35.
- Djaukian G. B. Frakiitsy v Armenii. *Antichnaia balkanistika. Predvaritel'nye materialy k mezhdunarodnomu simpoziumu*. Moskva, Institut slavianovedenia i balkanistiki, 1984, pp. 11–12.
- Duridanov I. *Ezikt na trakite*. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1976, 166 p.
- El'nitskij L. A. *Skifia evraziiskikh stepei*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1977, 255 p.
- Embaterion. Sbornik statei po iskusstvovoznaniu, filologii, istorii. Semidesiatiletu professora V. P. Yailenko posviaschaetsia / fakultet iskusstv MGU*. Moskva, MTsNMO [MGU], 2011, 391 p.
- Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris, Klincksieck, 1951, T. 2, pp. 668–1385.
- Fischer A. K. *Erklärung der skythisch-sarmatischen Namen und Wörter aus der ungarischen Sprache*. Berlin, Druck von W. Schulze, 1917, Bd. 2, 162 S.
- Fleischer R. H. *Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien*. Leiden, Brill, 1973, 449 S.
- Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, Winter, 1954/65, Bd. 1, S. 1–384; Bd. 2, 1965–1970, S. 385–1154.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Viach. Vs. *Indoeuropeiskii iazyk i indoeuropeitsy*. Tbilisi, Univ. Publ., 1984, T. 1, 429 p.; T. 2, 469–1329 p.
- Georgiev V. *Issledovania po sravnitel'no-istoricheskomu iazykoznaniiu*. Moskva, Vostochnaia literatura Publ., 1958, 314 p.
- Georgiev V. *Trakite i tekhniiat ezik*. Sofia, Bulgarskata Akademia na naukite Publ., 1977, 345 p.
- Gindin L. A. *Iazyk drevneishego naselenia yuga Balkanskogo poluostrova*. Moskva, Nauka Publ., 1967, 197 p.
- Gindin L. A. *Drevneishaia onomastika Vostochnykh Balkan*. Sofia, Bolgarskaia Akademia nauk Publ., 1981, 238 p.
- Gindin L. A., Tsymburskii V. L. *Gomer i istoria Vostochnogo Sredizemnomor'ia*. Moskva, Vostochnaia literatura Publ., 1996, 328 p.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

- Menges K. *Vostochnye elementy v "Slove o polku Igoreve"*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 265 p.
- Meuli K. *Odyssee und Argonautika*. Berlin, Weidmann, 1921, 142 S.
- Miller V. F. *Osetinskie etudy*. Moskva, Univ. Publ., 1887, T. 3, 216 p.
- Mladenov M. Nazvaniia iantra i Etr. *Bolgarski ezik*. 1968, T. 18, № 4/5, s. 436–437.
- Moiseeva T. A. Tsarskaia vlast' u frigiitsev. *Vestnik drevnei istorii*, 1982, № 1, pp. 119–129.
- Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov*. Moskva, Mysl' Publ., 1984, 653 p.
- Narty. Kabardinskiiepos*. Moskva, Detskaia literatura Publ., 1957, 383 p.
- Neroznak V. P. Frakiiskie relikty v balkanskikh iazykakh. *Balkanskaia filologia*. Uchenye zapiski Leningr. Un-ta, T. 343 (seria filologich. nauk, vyp. 73), pp. 80–88.
- Neroznak V. P. *Paleobalkanske iazyki*. Moskva, Nauka Publ., 1978, 230 p.
- Nevskaia L. G. *Baltiiskaia geograficheskaia terminologia*. Moskva, Nauka Publ., 1977, 227 p.
- Nikonov V. A. *Kratkii toponimicheskii slovar'*. Moskva, Mysl' Publ., 1966, 509 p.
- Nikonov V. A. Etnonimy Dal'nego Vostoka SSSR. *Djaryl'gasinova R. Sh., Nikonov V. A. (Edd.). Etnicheskaia onomastika*. Moskva, Nauka Publ., 1984, pp. 44–69.
- Otkupshchikov Yu. V. *Dogrecheskii substrat*. Leningrad, Univ. Publ., 1988, 261 p.
- Otkupshchikov Yu. V. Ἐξαιπταῖος i Ἰνδαυπταίης. *Mezhdunarodny i simposium "Antichnaia balkanistika 6" Etnogenez narodov Vostochnoi Evropy... Tezisy dokladov*. Moskva, Institut slavianovedeniia i balkanistiki, 1988a, pp. 35–37.
- Pape W., Benseler G. E. *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig, Verlag von F. Bieweg, 1884, Bd. 1-2, 1710 S. (Пагинация сплошная).
- Pashuto V. T. (Ed. Narody nashei strany v "Istorii" Gerodota*. Moskva, Nauka Publ., 1982, 453 p.
- Pavsanii. *Opisanie Ellady. Perevod S. P. Kondrat'eva*. Moskva, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1940, T. 2, 591 p.
- Petrov V. I. *Skify. Mova i etnos*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1968, 148 p.
- Petruk V. I. *Skifs'kii sakral'nyi tsentr Eksampai v konteksti kul'turnoi spsdschiny Ukrainy*. Abstract. ofkandidat. diss. Kyiv, Univ. Publ., 2005.
- Petruk V. I. Eksampeï – sakral'nyi tsentr Velykoi Skifii. *Istorichnyi zhurnal*, 2005a, № 3, pp. 110–116.
- Plutarchus. *Moralia. Ediderunt M. Polenz, W. Sieveking*. Lpz, Teubner, 1972, Vol. 3, 542 p.
- Poghirc C. La valeur phonétique de l'oscillation graphique thrace a/e à la lumière des données des langues balkaniques modernes. *Studii clasice*. București, 1961, T. 3, pp. 33–37.
- Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, Francke Verlag, 1959, Bd. 1, 1183 S.
- Podosinov A. V. K voprosu ob istokakh Tanaisa. Zinko V. N. (Ed.). *Bosporskie issledovania*. Kertch, Tsentrarkheol. issledovaniu, 2015, Vyp. 31, pp. 315–324.
- Popov A. I. *Nazvania narodov SSSR*. Leningrad, Nauka Publ., 1973, 167 p.
- Pritchett W. K. *Studies in Ancient Greek Topography*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1982, Pt. 4, 285 p.
- Probonas J. K. Protogrecs en Thrace. I. *Venedikov (Ed.). Pulpudeva*. Sofia, Academie bulgare des sciences, 1976, T. 1, pp. 213–217.
- Prokosch E. *Sravnitel'naia grammatika germanskikh iazykov*. Moskva, Inostrannaia literatura, 1954, 376 p.
- Propp V. Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki*. Leningrad, Univ. Publ., 1986, 365 p.
- Radlov V. V. *Opyt slovaria tiurkskikh narechii*. S. Peterburg, Akademia nauk Publ., 1893, T. 1, 1914 p.
- Reder D. G. Vostochnye teksty. *Vestnik drevnei istorii*. 1947, № 1, pp. 263–279.
- Robert C. *Die griechischen Heldensagen*. Berlin, 1921 (In: Preller L. Griechische Mythologie. Bd. III, Buch 3, Abt. 1. Die Argonauten, S. 757–968).
- Rybakov B. A. *Gerodotova Skifia*. Moskva, Nauka Publ., 1979, 246 p.
- Sazanov A. V. K izucheniu teonimii Bosporskogo tsarstva. *Djaryl'gasinova R. Sh., Nikonov V. A. (Edd.). Etnicheskaia onomastika*. Moskva, Nauka Publ., 1984, pp. 157–163.
- Shapiro H. A. Amazons, Thracians, and Scythians. *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1983, pp. 105–114.
- Shaub I. Yu. Amazonki na Bospore. *Skifia i Bospor*. Novocherkassk, 1989, pp. 79–88.
- Shestakov S. P. Kiklicheskie poemy i gomerovskie gimny. *Sobolevskii S. I. (Ed.). Istoria drevnegrecheskoi literatury*. Moskva, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1946, T. 1, pp. 153–163.

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

- Shesterkina N. V. Sootnoшение kontseptov “svetlyi” – “sviatoi” v russkom iazyke. *Lingua mobilis*, 2010, № 3 (22), pp. 103–108.
- Shilik K. K. Geograficheskie aspekty soobschenia Gerodota o gor’kom istochnike na Gipanise. Piotrovskii B.B. (Ed.). *Problemy antichnoi istorii i kultury*. Erevan, Akademia nauk Arm. SSR, 1979, T. 2, pp. 450–456.
- Skripnik T. A. Amazonki v antichnoi traditsii. *Izvestia Rostovskogo oblastnogo muzeia kraevedenia*. Rostov na Donu, 1988, Vyp. 5, pp. 29–39.
- Slovar’ RIA, 1990. *Romanova G. Ia.* (Ed.). *Slovar’ russkogo iazyka XI-XVII vv.* Moskva, Nauka Publ., 1990, Vyp. 16, 294 p.
- Strizhak O. S. (Ed.). *Etimologichnyi slovnik litopisnykh geografichnykh nazv Pivdennoi Rusi*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, 253 p.
- Taronian G. A. *Drevnii Vostok v antichnoi i rannekhristsianskoi traditsii (India, Kitai, Yugo-Vostochnaia Asia). Podbor tekstov, perevod s drevnegrecheskogo i latinskogo...* G. A. Taroniana. Moskva, Ladimir, 2007, 639 p.
- Tiukhtina (Kotina) A. V. Verkhovnoe zhenskoe bozhestvo amazonok v mifologicheskoi traditsii. *Bolgov N. N.* (Ed.). *Klassicheskaiia i vizantiiskaia traditsia*. Belgorod, Univ. Publ., 2008, pp. 147–149.
- Tolstoi I. I. *Ostrov Belyi i Tavrika*. Petrograd, 2-ia gos. tipografia, 1918, 162 p.
- Toporov V. N. K drevnebalkanskim sviaziam v oblasti iazyka i mifologii. *Zalizniak A. A.* (Ed.). *Balkanskii lingvisticheskii sbornik*. Moskva, Nauka Publ., 1977, pp. 40–58.
- Toporov V. N. Dr.-grech.Σπάρτηνi frag. spart-.*Simpozium “Antichnaia balkanistika”*. *Predvaritel’nye materialy, tezisy dokladov*. Moskva, Institut slavianovedenia i balkanistiki, 1980, pp. 55–59.
- Tresidder J. *Slovar’ simvolov*. Moskva, Grand, 1999, 444 p.
- Trevar K. V. *Ocherki po istorii i kul’ture kavkazskoi Albanii*. Moskva, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1959, 390 p.
- Trubachev O. N. *Nazvania rek pravoberezhnoi Ukrainy*. Moskva, Nauka Publ., 1968, 289 p.
- Trubachev O. N. *Indoarikaca v Severnom Prichernomorje*. Moskva, Nauka Publ., 1999, 319 p.
- Tugolukov V. A. Tungusy i lamuty na Severo-Vostoke Sibiri. *Djarylgasina R. Sh., Nikonov V. A.* (Edd.). *Etnicheskaiia onomastika*. Moskva, Nauka Publ., 1984, pp. 35–38.
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar’ russkogo iazykaq*. Moskva, Progress, 1964, T. 1, 562 p.; T. 2, 1967, 671 p.; T. 3, 1971, 827 p.
- Vakhtina M. Yu. Grecheskaia raspisnaia keramika iz raskopok Nemirovskogo gorodischa. *Arkheologia*, 1996, № 4, pp. 85–93.
- Vakhtina M. Yu. Osnovnye kategorii grecheskoi importnoi keramiki iz raskopok Nemirovskogo gorodischa. *MAJET*. 1998, T. 6, pp. 122–139.
- Vakhtina M. Yu. Grecheskaia stolovaia keramika VI v. do n. e. iz raskopok Nemirovskogo gorodischa v Pobuzh’e. *Zuev V. Yu.* (Ed.). *ΣΥΣΤΙΤΙΑ*. S. Peterburg, Aleteia Publ., 2000, pp. 209–217.
- Vakhtina M. Yu., Kashuba M. T. Obosobennosti akhgreko-varvarkikh kontaktov nachal’noi pory grecheskoi kolonizatsii Severnogo Prichernomor’ia v svete izucheniiia materialov Nemirovskogo gorodischa. *Vakhtina M. Yu.* (Ed.). *Bosporskii fenomen*. S. Peterburg, Nestor-Istorija Publ., 2013, pp. 371–378.
- Vanagas A. *Lietuvių hidronimų etimologinis žodinas*. Vilnius, Mosklas, 1981, 408 p.
- Vasmer M. *Die Iranier im Südrussland*. Lpz., Markert und Petters, 1923.
- Vinogradov V. B. *Zentral’nyi i Severo-Vostochnyi Kavkaz v skifskoe vremia*. Groznyi, Tchetcheno-Ingush. Publ., 1972, 389 p.
- Vinogradov V. B. Opisanie Severnogo Kavkaza v “Geografii” Strabona. *Izvestia Severo-Kavkazskogo nauchnogo zentra vysshei shkoly. Obschestvennye nauki*. Rostov na Donu, 1975, № 4, pp. 36–43.
- Vlahov K. Der Grad des Einflusses der griechischen Sprache auf die Thrakische. *LB*, 1972, T. XVI, 1, pp. 15–37.
- Volkova N. G. O nazvaniiaakh azerbajdzantsev na Kavkaze. *Murzaev E. M.* (Ed.). *Onomastika Vostoka*. Moskva, Glavnaia redakcia vostochnoi literatury, 1980, pp. 208–210.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

- Werner J. Das “Kolchische” und das Thrakische. *Klio*, 1981, Bd. 63, S. 263–280.
- Yailenko V. P. Graffiti Levki, Berezani i Ol’vii. *Vestnik drevnei istorii*, 1980, № 3, pp. 75–116.
- Yailenko V. P. K voprosu ob identifikatsii rek i narodov Gerodotovoii Skifii. *Sovetskaia etnografia*, 1983, № 1, pp. 54–65.
- Yailenko V. P. Lokalizatsia i proiskhozhdenie kallipidov-miksellinov. *Tezisy dokladov konferentsii “Problemi istorii ta arheologii starodavn’ogo naseleennia URSSR”*. Kyiv, 1989.
- Yailenko V. P. *Atkhaicheskaia Gretsia i Blizhnii Vostok*. Moskva, Glavnaia redaktsia Vostochnoi literatury, 1990, 269 p.
- Yailenko V. P. *Tysiacheletnii Bosporskii reikh. Istoria i epigrafika Bospora VI v. do n. e. – V v. n. e.* Moskva, Grif Publ., 2010, 737 p.
- Yailenko V. P. *Ocherki etnicheskoi, politicheskoi i kul’turnoi istorii Skifii VIII–III vv. do n. e.* Moskva, Onebook Publ., 2013, 345 p.
- Yailenko V. P. Frako-dakiiskaia i illiriiskaia toponimika Severnogo Prichernomoria (Skifii i Sarmatii). *Maslennikov A. A. (Ed.). Drevnosti Bospora*, 2014, T. 18, pp. 478–522.
- Yailenko V. P. Toponimika i etnonimia antichnogo Bospora. *Maslennikov A. A. (Ed.). Drevnosti Bospora*, 2015, T. 19, pp. 386–458.
- Yailenko V. P. Ol’viiskii gimn VI v. do n. e. Zinko V. N. (Ed.). *Bosporskie issledovania*. Kertch, Tsentr arkeol. issledovani, 2015, Vyp. 31, pp. 88–99.
- Yailenko V. P. *Istoria i epigrafika Ol’vii, Khersonesa, Bospora VII v. do n. e. – VII v. n. e.* S. Peterburg, 2016 (in print).
- Yanko M. T. *Toponimichniy slovnyk-dovidnyk Ukrain’skoi RSR*. Radians’ka shkola Publ., 1973, 179 p.

Резюме

Автор предлагает этимологическое исследование этнонимов Алазоны (Гализоны), Амазонки и названия местности и родника Эksamпей на Гипанисе-Буге в качестве фракийских по происхождению. Форма Halizōn с начальным аспирированным указывает на первоначальное *s-*; хотя во фракийском языке индоевр. *s-* сохраняется, есть ряд ономастических примеров с переходом *s>h* (это обусловлено его слабым произношением: *s>h>0*). Это дает основание вывести форму Halizōn (>Alizōn) из этимона *Salizōn, который представлен во фракийском личном имени Salazōn. Вторая часть этого имени -zōn– это сокращенная форма фракийского слова *zenes «рожденный», так что Salazōn происходит из *Σαλα-ζενες. Согласно Н. Иоклю, фрак. *sala родственно литовскому salà «село, деревня», стало быть, Salazōn (>Halizōn, Alizōn) означает «рожденный в селе», чему есть примеры в общей этнонимике.

По сообщению Страбона (XII, 3, 21), некоторые писатели смешивали имена алазонов и амазонок. Автор статьи полагает, что эти этнонимы содержат одно и то же фракийское слово *zenes (diminut. -zōn). Что до первой части имени амазонок, то уже давно в ней видели имя «Великой Матери» Ама, так что Amazōn означает «рожденный Великой Матерью». Фракийцы издревле обитали на территории Греции и Северо-Западной Анатолии, они прилагали это имя к тем туземным народам, у которых сохранялись черты матриархального строя (ликийцы, лидийцы и др.). Греки позаимствовали у фракийцев термин Amazōn и, как выяснил В. Леонхард, обозначали им анатолийские народы. Особо автор исследует сообщение Страбона (XI, 5, 2) об амазонках Северного Кавказа, которые воевали с некими гаргарейцами, фракийцами и евбейцами. По мнению автора, евбейцы – это древние насельники Евбеи фракийские абанты, гаргарейцы – обитатели Северо-Западной Анатолии.

Яйленко В.П. Три историко-ономастических ...

Есть ряд указаний на проникновение фракийцев в Закавказье и на Северный Кавказ, так что эти фракийские мигранты прозывали амазонками местное северокавказское население, у которых были женщины-воительницы и черты матриархата. В нартовском эпосе северокавказских народов есть сказания о девушках-воинах, в том числе об их сражениях с великанами-уаигами. В историческом плане это имплицитно сохраненная память о войнах северокавказского населения с фракийскими пришельцами (в греческом этнониме абантов имеет также значение «колоссы»).

Название горького водного источника и местности Эксампей также может быть фракийским. Его основа – фрак. *xanth- «белый, светлый» и *ара«вода, река, источник», са-privativum. Развитие названия таково: *a-xanth-apai- >e-xanth-pai- >e-xam-pai-, со следующими фонетическими преобразованиями: а>е, xanth-apai- >xanth-pai- >xan-pai>xam-pai-. Следовательно, Ехампей-ос означает «несветлая вода». По Геродоту, Эксампей расположен в земле алазонов, а по сведениям Мелы и Солина – в самом низовье Гипаниса, у моря. Это означает, что были два источника по имени Эксампей, северный и южный. Около северного располагалось скифское святилище, южное было с гнилой водой (около такого не может быть святилища).

Ключевые слова: Скифия, Фракия, алазоны, амазонки, Эксампей.

Summary

The author proposes an etymological investigation of the ethnic name the Alazonians – Halizonians, the Amazons, and of name of the water source and locality Exampaios near the Hypanis river, as Thracian by origin. The form Halizonians indicates to primary initial *s*-; although the Thracian language serves the Indoeurop. *s*, there are some place-names with *s* > *h* (weekly pronounced *s* > *h* > *0*). So the form Halizōn (> Alizōn) derives from *Salizōn, which is living in the Thracian personal name Salazōn. Its second part -zōn is shortened form of Thracian word *zenes “a born”. So Salazōn derives from *Σαλα-ζενες. According to N. Jokl, the Thracian *sala is allied the Lithuanian word salà “village”, that is Salazōn (Halizōn, Alizōn) means “a village born”. Such a meaning is common in general ethnonymics.

Strabo (XII, 3, 21) says that some writers have mixed names of the peoples Alazonians and Amazons. The author supposes these names contain the same Thracian word *zenes (diminutive -zōn). Long ago there is supposed that the initial Ama- is name of “Grate Mother” divinity. So Amazōn means “born by Grate Mother”. The Thracians are old inhabitants of Greece and North-West Anatolia, they have applied this name to a native populations with matriarchal features (Lycians, Lydians etc.). The Greeks have borrowed this Thracian term Amazōn and, as W. Leonhard have pointed out, they have given this name to the native Anatolian nations. Especially, the author investigate Strabo’s account (XI, 5, 2) on the North Caucasian Amazons who were in struggle with the certain Gargareans, Thracians and Euboeans. Author supposes the Euboeans are old Thracian Abantes, the Gargareans are people of North-West Anatolia. There are some indications on penetration of the Thracians into Transcaucasia and North Caucasus. So these Thracians have given name Amazons to the North Caucasian population with his women-warriors and matriarchal features. The Nart folk tales of the North Caucasus talk the women-warriors about, especially the wars with the giants. Historically, it’s memory about the struggles between Thracian migrants and North Caucasians (in Greek, the Abantes mean also “colosses”).

Боспорские исследования, вып. XXXIII

The name of the bitter water source and locality Exampaios also may be Thracian. The base of the name is Thracian words *xanth- “white, clear” and *apa “water, river, source”, with a-privativum. So *a-xanth-apai- >e-xanth-pai- >e-xam-pai-, with phonetical development: a >e, xanth-apai->xanth-pai-> xan-pai >xam-pai-. Consequently, Exampai-os means “unclearwater”. According to Herodot, Exampaios lays in Alazonic land, but Mela and Solin locate it in the lowest Hypanis beside sea. It means that there are two water sources named Exampaios, the northern and the southern. Nearby the first there was a Scythian sanctuary, the latter had a foul water (a sanctuary can't be near one bitter water source).

Key words: Scythia, Thracia, the Alazonians, the Amazons, Exampaios.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яйленко Валерий Петрович,

д.и.н.,

Московский педагогический гос. университет, Россия, Москва,
профессор,

8(499)6763156,

valeryjailenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yailenko Valery, DSc,

Moscow Pedagogic State University,

Russia, Moscow, Prof.

8(499)6763156,

valeryjailenko@gmail.com

Список сокращений

Рис. 1. Народы и реки Геродотовой Скифии, соотнесенные с группами скифских археологических памятников VI–III вв. до н.э. Цифрами обозначены археологические культуры: 1 - молдавская группа, 2 - западноподольская, 3 - восточноподольская, 4 - позднелысоцкая, 5 - волынская, 6 - милоградская, 7 - киевская, 8 - посульская, 9 - поворсклинская, 10 - северскодонецкая, 11 - лухновская, 12 - воронежские курганы, 13 - среднедонская культура. [Яйленко, 2013, с. 160, с использованием: Рыбаков, 1979, с. 107].